

12 апреля отпраздновал двадцатипятилетие своей артистической деятельности один из самых выдающихся дирижеров в России, высоко и разносторонне образованный музыкант — Эмилий Альбертович Купер.

Юбиляр отличается исключительными организаторскими способностями, неутомимостью и любовью к труду.

В 1920 году Э. А. Купер много поработал, управляя академическим театром оперы и балета и дав правильное направление оперной работе. В 1921 году Э. А. Купер отдал все свои силы на создание Гос. Ак. Филармонии, заслужившей своей деятельностью особую признательность наших рабочих и артистических организаций.

Чествование Э. А. Купера в Ак. театре оперы (б. Мариинским). Фот. Булла.

Э. А. КУПЕР.

(К 25-летию артистической деятельности).

Опереточная левизна.

Декорации IV акта. Эскиз худ. Н. Акимова.

Реформа оперетты несколько лет тому назад была злободневной темой у режиссеров — новаторов. Тогда Евреинов, а затем Марджанов, выступили в роли реформаторов, но их "новации" ни к чему не привели.

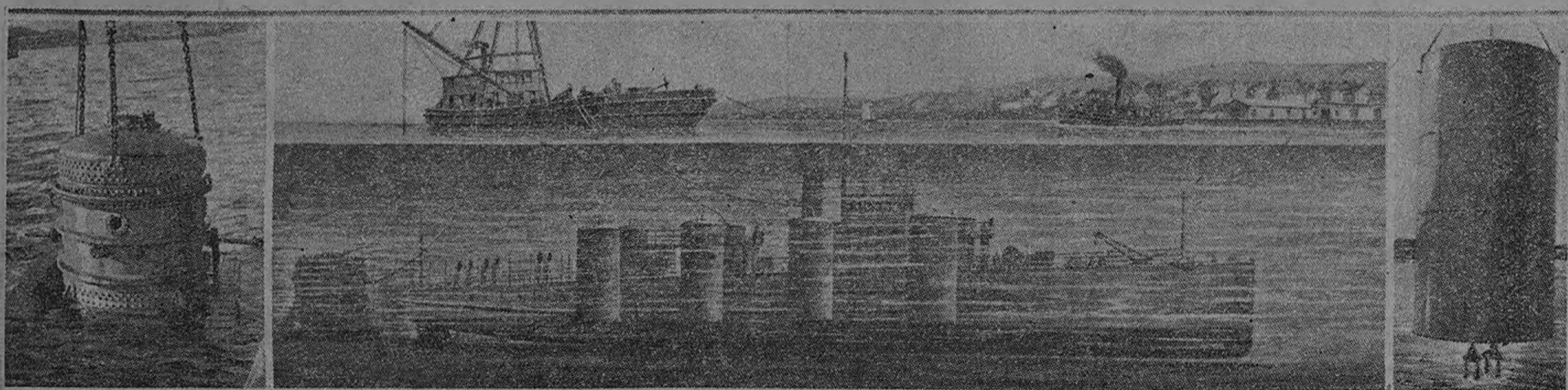
Теперь старый мастер оперетки А. Н. Феона, в сотрудничестве с эксцентриком Крыжицким и талантливым левым художником Акимовым решил гальванизировать оперетку.

Под'ем судов.

Американским инженером Рено изобретен новый способ под'ема затонувших судов, с успехом примененный при извлечении канонерки, погибшей близ Нью-Йорка. Под'ем судов производится при помощи подводного трактора, который опускается на дно океана. Трактор снабжается сжатым воздухом

и соединяется электрическим проводом и телефонами со спасательным судном. На нем работает обыкновенно не более двух человек. Опустив трактор на дно и выбрав удобное положение, рабочие начинают сверлить, при помощи электрических сверл, борты затонувшего судна. При этом, отверстия предохраняются от проникновения воды сальниками. Затем, по сигналу, сверху спускают понтоны с под'емными крюками,

которые вгружаются в просверленные отверстия. Понтоны накачиваются сжатым воздухом, вызывающим перемещение воды и, в результате, перевешивают затонувшее судно, которое без труда поднимается на поверхность. Это изобретение дает возможность работать на глубине 400 футов, т. е. на 300 футов глубже, чем могут спускаться водолазы.

Подводный трактор.

Под'емные крюки прикрепляются к бортам затонувшего судна.

Подводный понтон.

"Левый уклон".

"Последняя оперетта Кальмана "Бая-дера" — лучшее что было до сих пор в новой опереточной литературе. Фантастический сюжет дал мне возможность допустить в постановке некоторый уклон влево, который ярко выявлен в костюмах, гриме и декорациях. Эта левизна кажется впервые допущена на опереточной сцене. Помогали мне в постановке Крыжицкий и Акимов".

А. Феона.

Полевение Оперетты.

"Оперетта — самый популярный в наше время жанр сценического искусства: даже такие солидные и маститые, как Московский Художественный, Камерный и Петербургский б. Михайловский театры увлеклись этим жанром. Очередной задачей, очевидно, явился отказ от специфической дешевой, опереточной гостинодворской роскоши.

Именно эту задачу главный режиссер "Музыкальной комедии" А. Н. Феона и поставил себе, привлекши для этой работы меня и художника Акимова, которым сделаны изумительные по красочности и упрощенные декорации.

Часто театральная "левизна" является синонимом скуки. Эта левизна действует на мещански — настроенного обывателя, как зеленый порошок на тараканов. Мы поставили себе задачу обединить в нескучном целом левизну постановки с жизнью игры и вокально-музыкального исполнения".

Г. Крыжицкий.

Цена 8 руб.

Красной Птичкой

№ 2

28 АПРЕЛЯ
1923 г.

Издание „Красной газеты“
ПЕТРОГРАД.

КРАСНАЯ Панорама

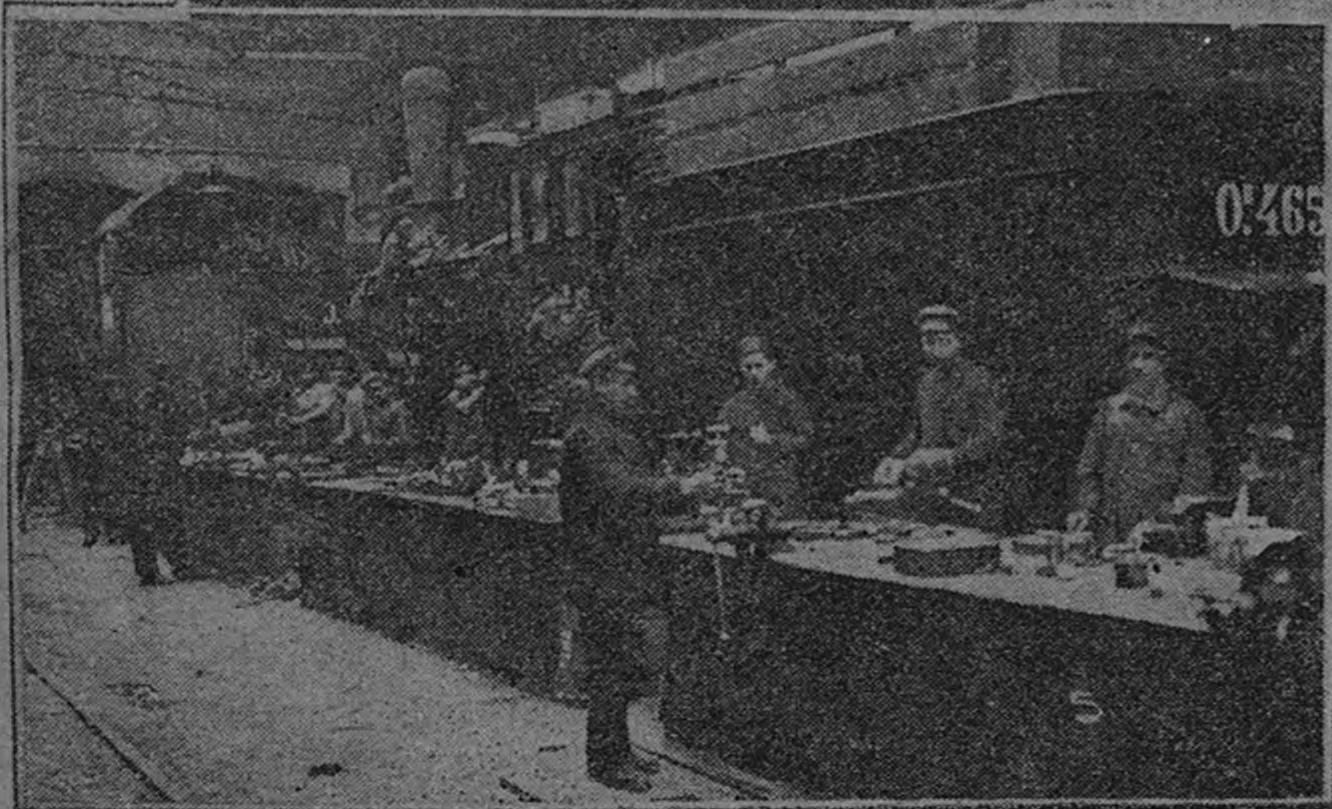
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Фонтанка, 41, тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

28 апреля 1923 г.
№ 2

КОНТОРЫ: Проспект 25 Октября, 88,
телеф. 558-21.

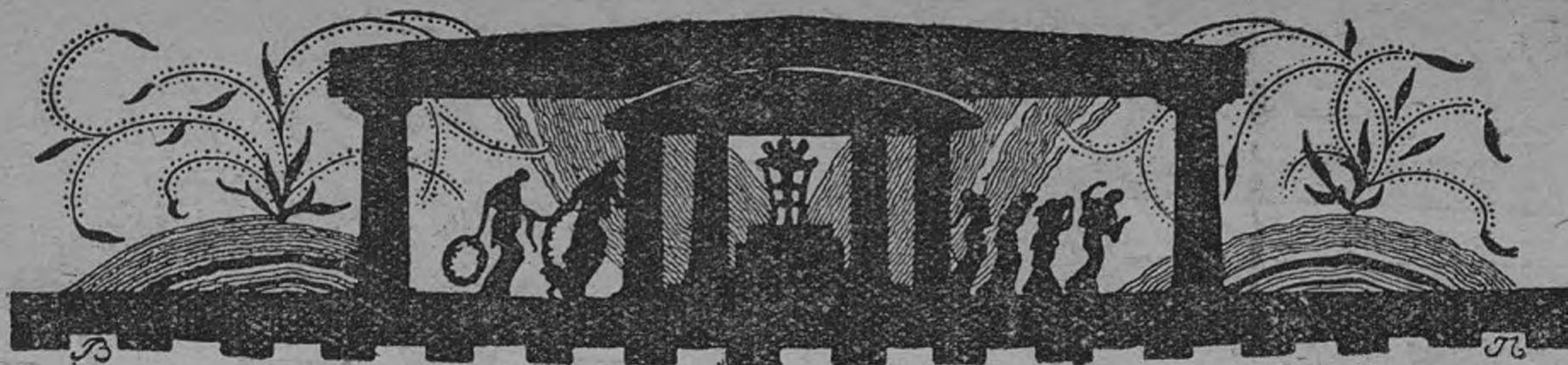

Питерские рабочие и 1 Мая.

Спец. снимки для „Кр. П.“ фот. С. Магазинера.

- 1) На заводе „Большевик“: сборка трактора к 1 мая.
- 2—3) Капитальный ремонт вагона спец. назначения № 1927 на Октябрьской ж. д. к 1 мая.
- 4—5) Рабочие Нев. Суд. зав. выпускают к 1 мая из капитального ремонта 6 паровозов.

СМЕТАНА.

Печерская сказка.^{*)}

Рис. для „Кр. П.“ худож. Н. П. Акимова.

Нанял поп работника. Этот молодец с поповой дочкой и сжился. А поповна на свободе своего милого сметанкой прикармливает.

Милого сметанкой прикармливает...

Дозналась попадья: куда сметана девается?

— Чтой-то, бачко,—говорит попу,—сметана у нас теряется, нечем

^{*)} По записи Н. Е. Ончукова.

и щей побелить, видно завелся у нас вор.

— А ты дай мне ведерко, я в церковь поставлю, там никто не тронет.

Накопила попадья сметаны, поп отнес ведерко в церковь и поставил под икону под Миколу-святителя.

Работник соскучился и говорит поповне:

— Эх, любушка, хотелось бы мне сметанки попробовать.

— Откуль теперь возьму? Папаша сметану в церковь снесли, под икону святителя поставили.

— А ты дай мне ключи от церкви, я сам схожу.

Дала поповна работнику ключи, пошел он в церковь, ведерко подчистил, а чтоб догадки не было, у Миколы святителя усы сметаной вымазал, на бороду накапал, церковь замкнул и ушел.

На утро пошел поп в церковь, глянул, а ведро пусто, поглядел на Миколу—борода в сметане.

— Э-э... Мы-то то на того, на другого, а эво кто сметану ест.

Взял поп икону, да об пол, икона и раскололась. Испугался поп—

такого наделал,—схватил ведро и домой.

— Ой, попадья, я Миколу-святителя расколол,—сметану ест. Сам застал,—только рот запереть поспел, вся борода в сметане.

— Неладно ты, поп, сделал,—говорит попадья,—будет тебе за это. Задумался поп, затосковал.

— Одно мне теперь,—говорит попадье,—пеки мне подорожников, пойду по святым местам отмаливать.

Поп отнес ведерко в церковь.

— Иди, поп, ступай.

Напекла попадья подорожников, суму пошила, и пошел поп...

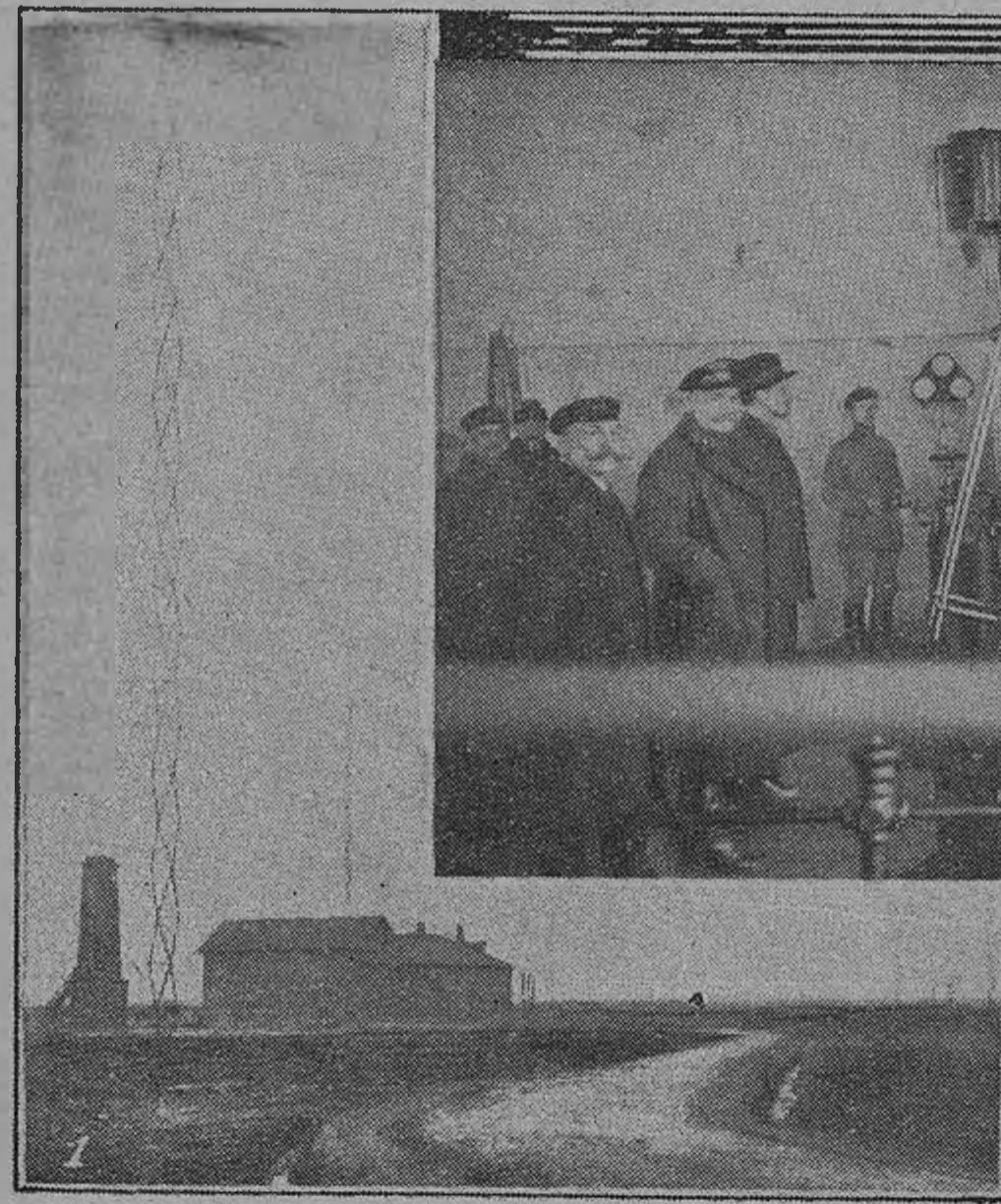
* * *

Идет поп по дороге, на встречу ему старишок беленький, в лапотках и ростом малый.

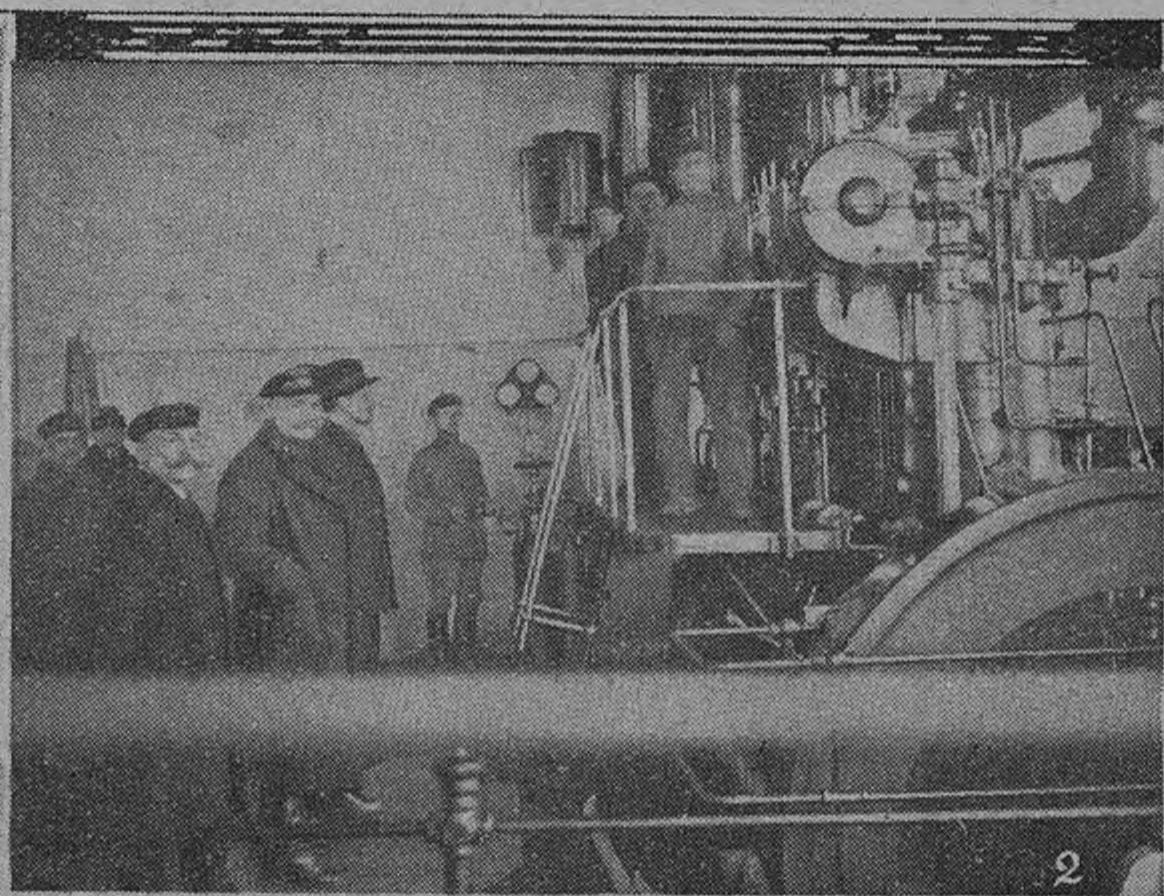
— Куды, поп, идешь?

— Иду во святые места грехи замаливать,—говорит поп.

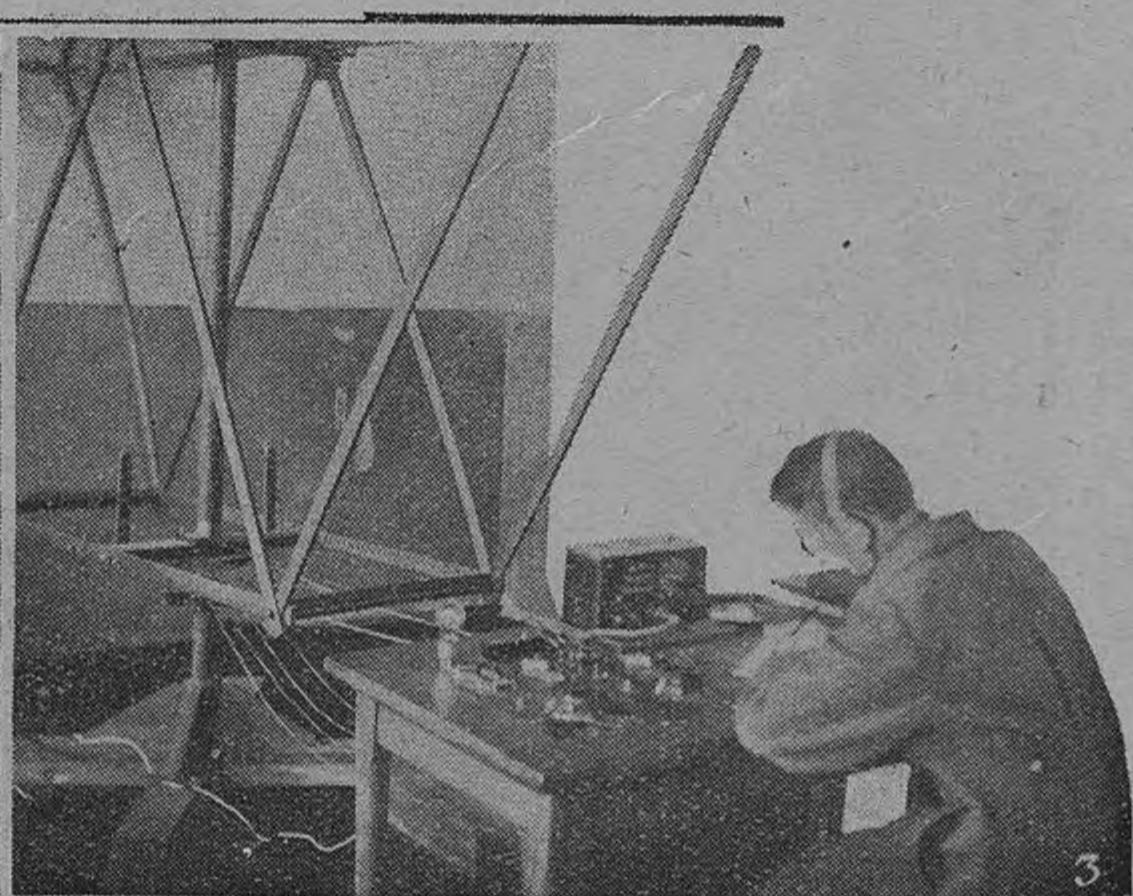
Детскосельская радио-станция имени т. Подбельского.

Общий вид радио-станции.

Машинное отделение.

Приемка радио-депеш.

Новая радио-станция, только что законченная постройкой и переданная Наркомпочтой, относится к числу наиболее мощных в С. С. С. Р. и производит обмен радио-депеш со всеми мощными европейскими радио-станциями.

Спец. сн. для „Кр. П.“ фот. С. Магазинера.

— Пойдем вместях.

Пошли вместях, шли по дороге долгонько, дотуль шли—захотелось им есть. Сели закусывать. Старичок и говорит:

— Сделай милость, поп, уважь старика, сходи за водой, что й-то пить захотелось.

— Что ты, дед, разве подобает попа за водой наряжать? Сходи сам.

Пошел старичек по воду сам. Покуда ходил, поп в старичковом мешке три просвиры усмотрел.

— Как так. Я поп—у меня две, а у него три.

Покуда ходил старичок—поп одну его просвиру и с'ел.

Принес старичок воду, хватился, а просвиры нету.

— Не ты ли, поп, просвиру взял?

— А много-ль у тебя было?

— Да было три, а стало две.

— Не может такого быть: я поп, а у меня две, откуда у тебя трем быть?

Пошли дальше. Дошли до озера, а время—ночь, темно. За озером огонь видно. Старичок и говорит:

— Что будем, поп, делать?

— Что? Кругом обходить надо.

— Куды-ж кругом? Озеро большое.

Сошел старичок с берега, перекрестился, ступил на воду и пошел как по суху, а поп за ним. Вышел старичек на другой берег, а поп на самой середине озера тонет, уж борода в воде.

Говорит старичек попу:

— Утонешь, поп, хоть теперь покайся: не ты ли просвиру с'ел?

Поп думал, думал:

— Нет,—говорит,—просвиру я не ел, хоть утону, а не ел.

Стало попу легче, ступил на дно и вышел на берег. Пошли дальше на огонек в избе. Поднялись на крыльце, стучатся. Вышел к ним хозяин.

— Не могу пустить, у меня отец помирает, лежит.

— Вы человека видите, а за человеком не видите, а мы, может, и полечить умеем,—говорит старичек.

Зашли в избу,—в избе больной лежит, помирает, посмотрел старичек больного, велел топор подать.

— Зачем топор?

— Вам смотреть, мне делать.—говорит старичек, и только то от него и добились.

Взял топор и топором больного, словно тушу, на куски по спаям разрубил.

— А теперь,—говорит,—скорее мне воды.

Принесли воды. А старичок куски вместе, водой обмыл, полотенцем вытер, а вытерши вынул из кармана бутылочку: раз брызнул—целый стал, другой раз брызнул—

ЛЕДОХОД НА НЕВЕ.

вздрогнул, в третий раз брызнул—вскочил больной на ноги.

Стал, потянулся.

— Ну и долго я,—говорят, — спал, заспался.

С радости надавали тут старичку денег полну суму. Взял старичек и пошли они дальше, старичек и поп, куда глаза глядят. Дошли до двух дорог.

Усмотрел поп три просвиры...

Стал старичек сурьезный.

— Тебе, поп, налево,—говорят,—а мне направо. Прощавай.

И пошли врозь.

Пошел поп один через лес, через поле, стала ночь,—куда деваться. Видит, в избе огонек светится, пошел стучаться.

— Никак не можем пустить,—говорят попу,—у нас брат лежит, помирает.

— Вы человека видите, а за человеком не видите, может я вашего брата и вылечу,—говорят поп.

Пустили попа в избу.

Стал поп делать, как старичок делал: спросил топорок и с топором на больного.

А больной криком кричит:

— Ой, ой, ой, каргвул.

— Ты пошто так,—говорят попу,—погубиши брата-то?

— Молчите, не первого лечу.

Стих больной и реветь перестал. Разрубил его поп по спаям, опять, опять сложил. водой вымыл, поло-

тенцем обтер, стал из бутылки брызгать,—раз брызнул—ничего, другой брызнул—нет ничего, брызнул в третий—как было, так и есть. Всю бутылку вылил.

— Что хотите,—говорят,—надо мной делайте, больше ничего не могу.

— Что станем делать над тобой?—говорят мужики.

Затопили мужики печку и попа, как был, на потолок за ноги повесили в дыму коптить. Стало попу худо.

Тут у дверей кто-то стучится. Отворили,—входит старичек, тот самый, седенький, и прямо к попу.

— Поп, может и умрешь, покайся: ты третью просвиру с'ел?

Думал, думал поп.

— Нет не я, хоть задохнусь, не я. Велел старичек попа спустить.

— Я,—говорят,—дело поправлю.

Сделал, как раньше делал, и мужик ожил. Надавали старичку денег другую сумму.

Опять пошли поп со старичком в путь-дорогу, дошли до распутья, а старичек выложил из сумы деньги и разделил на три части.

И поп думает:

„Неужели себе две, а мне одну? Эх, спросить бы“.

Насмелился.

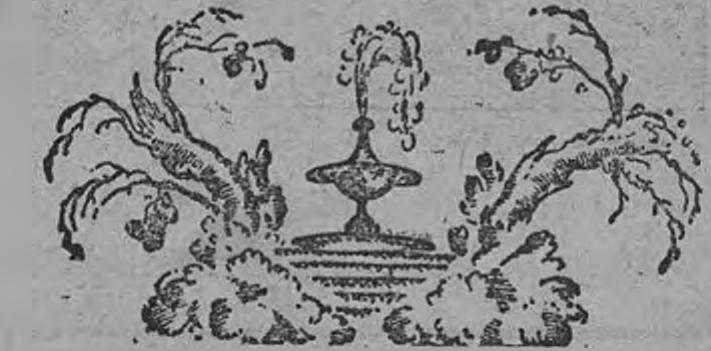
— Кому третью кучу делишь, старичок?

— А тому, кто третью просвиру с'ел,—говорят старичок.

— А ведь это я третью с'ел.

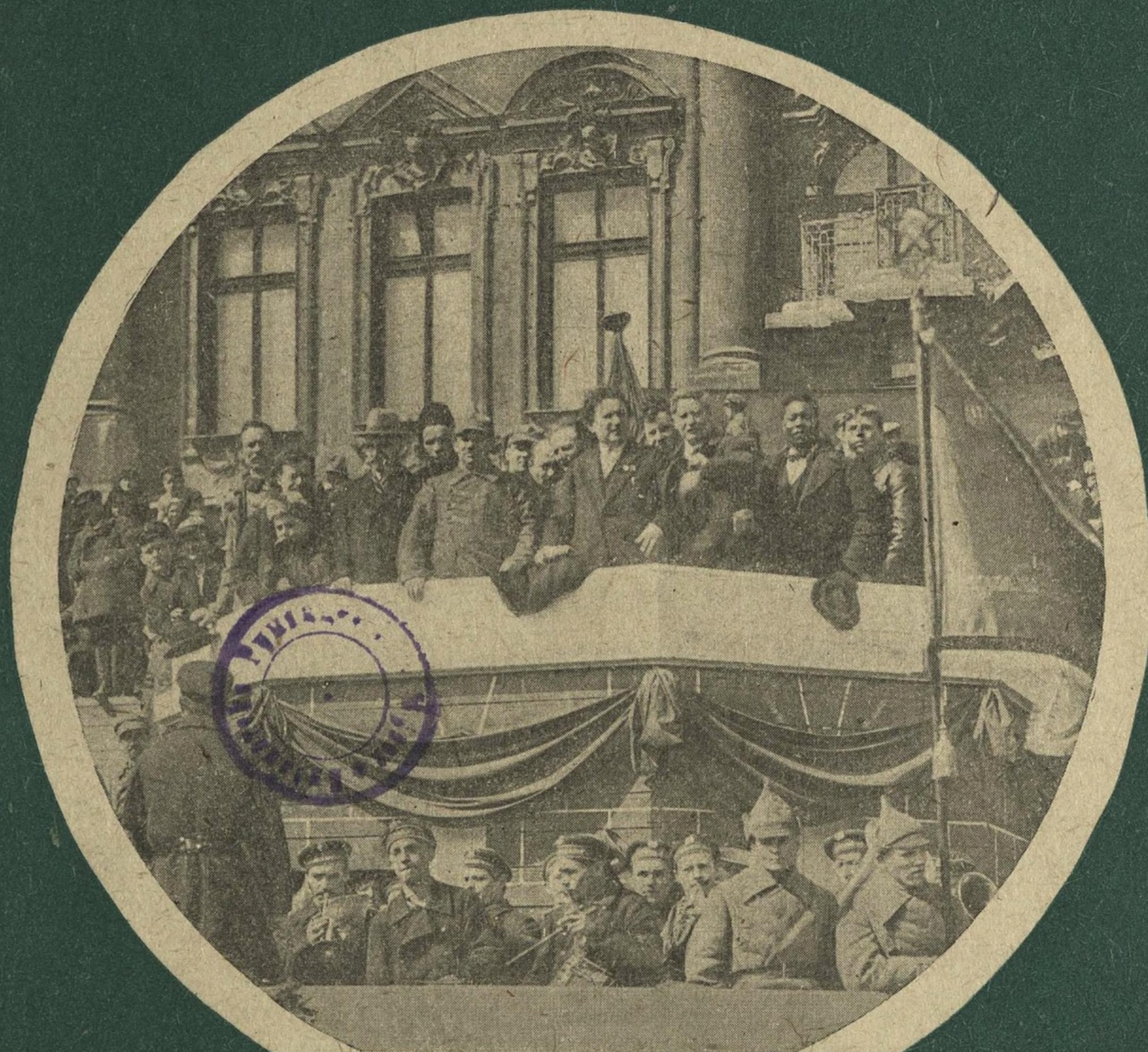
— Ну бери, коли ты. Да вот, что, поп, иди домой, икона то цела, только не говори наперед, что я сметану ем,—сметану с'ел работник, а ты работника не наказывай, а жени на дочке, доска-то твоя от него с брюхом.

И. Сергеев.

Цена 6 руб.

КРАСНОЕ ПЛЕНОМ

1-е мая 1923 г. на пл. Урицкого.
Трибуна с чл. Петрогуб-
исполкома.

№ 3

12 МАЯ
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПСТРОГРУД.

Красная Литография

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Фонтанка, 41, тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

12 мая 1923 г.
№ 3

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 88,
телеф. 558-21.

ХII СЕЗД РОСС. КОМ. ПАРТИИ.

Фот. П. Оциупа.

ОБЩИЙ ВИД СЕЗДА (Зал большого Кремлевского Дворца).

Константинопольский пейзаж.

(Картина с натуры).

Илья Сургучев.

Я иду вниз по самой богатой, по самой широкой, по самой благоустроенной улице Константинополя—по улице Банков. Иду вниз: из Перы—в Галату.

Жара переходит в приятную, истомную теплоту. Банки с часу дня закрыты и уже срослись с камнем сен чугунные,—везде чугунные, везде прочные, непробиваемые и непроницаемые,—банковские двери. Повсюду—греческие, турецкие, французские, русские, итальянские, английские вывески: железные, чугунные, мраморные, хрустальные, алебастровые выпуклые, увесистые, солидные, впечатительные, очень четкие, без грамматических ошибок...

Прихожу в Галатский переулок. Старые, то двух, то трех-этажные дома,—старые, старые: кажется, что они—еще генуэсской постройки. Нижние этажи этих домов разделены в клетки. В каждом окне сидит—почти голая—женщина и каждому проходящему стучит наперстком в стекло. Если проходящий оглядывается, она и глазами, и грудью, и руками зовет его и выявляет всю свою соблазнительность. Если проходит русский, она поднимает раму и чуть насмешливо кричит:

— Каспадин Карапо! Каспадин Карапо! Иди сюда!

„Карапо“—это, по их мнению, наше общее имя.

Красивые и безобразные, проживающие месяц за год, десятилетние девочки, у которых еще не начинала наливаться грудь, которым еще, даже здесь, дарят куклы, и старухи, с грудями, как пустые табачные кисеты. Все низмазано, все нарумяно, как у актеров для вечернего представления.

Рис. худ. Н. Акимова.

С улицы видны незатейливые внутренности клеток. У окна—женщина, в глубине комнаты, за ситцевой занавеской, кровать или диван, похожие на плаху. И неизбежная, вывешенная на самое почетное место, символ гигиены, чистоты и здоровья,—эмархова кружка с линнной желтой кишкой.

Около кафе сажусь на соломенный, ниский, плетеный табурет. Подходит служитель в белом фартуке и, улыбаясь, спрашивает:

— Карапо?

Я коротко отвечаю ему:

— Чай.

Он делает радостное движение и скоро приносит мне на изящном мельхиоровом подносике пузатый стаканчик крепкого персидского чая, сахар и ломтик свежего, сочного, душистого лимона. Все это он ставит на соседнюю табуретку, смахивает пыль и надолго оставляет меня в покое. Я получил право спокойно сидеть, курить, смотреть и слушать.

Ночью здесь, в этих переулках, шумно, днем—наоборот: звуки медленные, однообразные, монастырские, тихие. Лениво переговариваются между собой, из окна в окно, на разных языках женщины, близко и до-скончально знающие друг друга, каждую ленточку в волосах, каждый пистолет в кошельке, каждое колечко, каждую промысловую удачу, каждый кусочек бирюзы, историю первого соблазна, имена любовников, которых там, в миру, любили и которые бросили их из жизни сюда, в тень смертную, в незасыпанные могилы, где месяц отмечается за год, где—неизбежная болезнь, седающая тело, как огонь—бумагу: где—вздыхания, бессильная в минуты сна злоба на мир, на бога, на небо, на любовь, лютую и беспощадную, как змея, и делающая из человека змею, которая всем улыбается, всех зовет, всем стучит наперстком и жалит.

Этот крепкий, похожий на густое токайское вино, чай,—я боюсь его пить: кто знает, каким ядом вымазаны края затейливого пузатого стакана. Кладу в него весь сахар и лимон, мешаю ложечкой, и, когда вижу лицо служителя, удивленного моей медлительностью в питье, незаметно выливаю его в маленькую водосточную канавку, которая бежит у краев тротуара.

В кафэ—оркестр из трех человек. Вечером он усиливается до семи. В унисон, под унисонный же аккомпанемент, они, эти три человека, начинают петь песню.

Как списать песню чужого народа?

Сначала кажется, что они изо всех сил орут. Лупят пальцами по струнам, все тресе, и, задрав головы кверху, как слепые, орут. Потом, это как-то влезает в ухо, начинает там размешаться, звук отчетливо нанизывается на

звук, выделяются правильно построенные, музыкальные фразы и начинаешь чувствовать, что это тебе не мешает.

Песня развертывается, как нитка из клубка: не спеша, но и не прерываясь. Пауз нет: удивляешься, когда певцы успевают переводить дух. Это делается искусно. Через некоторое время песня не только не мешает тебе, но и начинаешь слушать ее. А потом только и дела, что слушаешь и улыбаешься. Едруг поворачиваешь голову: подавальщик персидского чая, стоя на тротуаре, во весь голос подхватил мотив. За ним замурлыкал человек, пьющий пиво. За ним вступила старуха из противоположного дома, зазывала, выхваляющая своих хороших, чистеньких и здоровеньких, сидящих тут же, барышень. За нею, помимо воли, подхватываю мотив и я, и вижу, что он красив и воздушен, и остроумен, и разбираюсь уже, что главная его прелесть в том, что он построен по восточной энгармонической гамме, в четвертях тонов,

...и старуха—зазывальщица...

что выдумало его чье-то чистое человеческое сердце, что поет оно о неразделенной любви; о коне, несущем всадника в поднебесье; о фонтане, бьющем в мечети; о голубях, летающих в куполе.

Видя, что турецкую песню пою и я, русский господин Карапо, мне улыбается не продажно, а по человечески, женщина, следившая за мной, и тоже поет. Бессознательно, с середины, к нам присоединяется девочка, высунувшаяся из окна и кормящая толстого, суетливого наглого воробья, и ее хозяйка, починяющая простыни. Очень скоро песня, как огонь, перебрасывающийся с крыши на крышу, ползет по всему недлинному переулку, перестают стучать наперстки, затуманиваются карие, черные, серые, синие, зеленые глаза и воображают: неразделенную любовь; коня, несущего всадника в поднебесье; фонтан, бьющий в мечети; голубей, летающих в куполе...

...Слыши, ясно слыши, как с первого угла переулка песня смолкает. Как будто в пылающий костер начали с одного конца лить воду: в чем дело?

Смотрю: по переулку в синем костюме, в желтых плоских башмаках, делающих женщину похожей на гусыню, идет англичанка, идет медленно, с повадкой, обычной у туриста, не отнимая черепахового лорнета от любопытных, прищуренных, близоруких глаз. Все больше и ближе смолкает песня. Мне показалось: вот идет

...сидит— почти голая—женщина...

классная дама, и с ее появлением прекращается шум, водворяется тишина, и сейчас начнется урок. Однако, тишины нет: где-то хлопнула одна стеклянная дверь, другая, третья. На улицу в коротких смятых ночных рубахах, в туфлях на босу ногу, выскакивают раз'яренные женщины, что-то как ужаленные кричат на всех тарабарских наречиях, плюются, жестикулируют, хватаются руками за бока, подукоильцом окружают англичанку и не дает ей дальше прохода. Мрачными огнями горят обычно покорные, привыкшие к ласковой гримасе глаза, и вдруг—на чистейшем русском языке—среди общего гвалта и таарама—слышу:

— Ты что, стерва? Смотреть сюда пришла? Карточку снимать? Очками свбими похваляться?

Через минуту вокруг англичанки сгрудился весь переулок. Старые, молодые, нарумяненные, набеленые, с крупинками краски на ресницах, с испорченными зубами, с опухолями под глазами, с фантастическими прическами, с брызгущими от бешенства ртами,—все они, казалось, еще одна минута,—и набрасывались на нее, на мытую, добродетельную, в синем костюме *tailleur*, и разорвут. Появление женщины из того, из верхнего, мира; женщины лорнет которой придавал какую-то особенную горделивую надменность; в глазах которой все они, галатские, были презренными

сжатые зубы. Женщины, как мыши, в которых бросили камнем, мгновенно разбежались по своим норам и притаились. На месте происшествия осталась только чья-то потертая синяя шелковая подвязка. Зрители, стоявшие на табуретах, весело расхохотались. Спектакль был кончен. Англичане медленно, рассматривая окна, прошли дальше.

— С этими крошками шутить опасно, — сказал по французски человек, пивший пиво: „не ходи сюда тот, кому не надо. Разорвут. Бывали случаи“.

Скоро в переулке, переваливаясь, толстые, спокойные, упитанные, с резиновыми палками за спинами, показались американские полисмены. Нервнее застучали по стеклам четкие наперстки и жизнь пошла обычным ходом.

тварями; которая пришла и опять уйдет в свой чистый дом, в свою чистую и душевную спальню, — появление такой женщины вызывало у обитательниц переулка нестерпимую ярость.

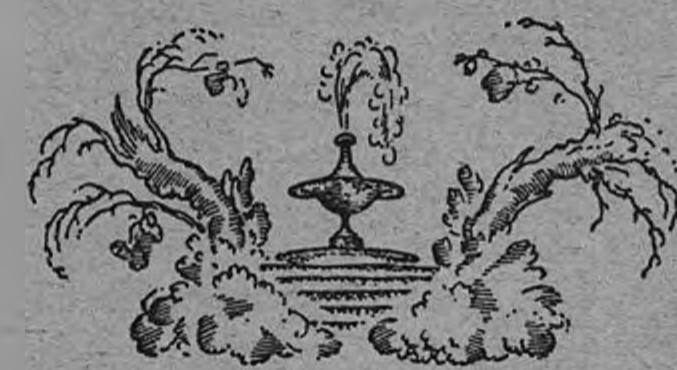
И прислужник, и пивший пиво, и какие-то люди в фесках вскочили на табуреты и, затаив дыхание, смотрели, как развертывается спектакль.

— Вон отсюда, стерва! Чтоб ноги твоей здесь не было! И детям в поминанье закажи! — кричала исступленно русская и сама же первая не пускала англичанку вперед.

Англичанка была настороженно-спокойна, как сторож, вошедший в клетку с дикими зверями. Она поворачивалась во все стороны, рассматривала каждое лицо, не проронила ни одного слова и только все ближе к глазам прижимала свой лорнет. Уже шел к ней на выручку, где-то на главной улице затерявшийся, спутник ее, английский офицер, который начал с того, что, не выпуская трубки изо рта и, не вынимая рук из кармана, стал ногой бить женщин и, что-то нечленораздельно рычать по английски, сквозь

* * *

Уже поздно. Перестал ходить фюникюпер, через каждые две минуты перетаскивающий из Галаты в Перу и из Перы в Галату по пяти вагонов человеческого мяса. Снова иду я по улице Банков. Льется лунный, оперный свет. Молодой месяц, еще неделю тому назад такой изящный, такой стройный, похожий на юного рыцаря, закованного в серебряные латы, теперь растолстел, спустил брюхо и стал похож на лысого банкира.

Сажусь на какие-то теплые каменные порожки. Сижу, курю. Растолстевший рыцарь смотрит с неба. Где-то бьют часы. Подходит сторож и говорит по турецки, по гречески и по французски, что здесь сидеть нельзя. Какому-то банку от этого опасность. Иду дальше. Тепло и тихо. Скоро ночь.

Илья Сургучев.

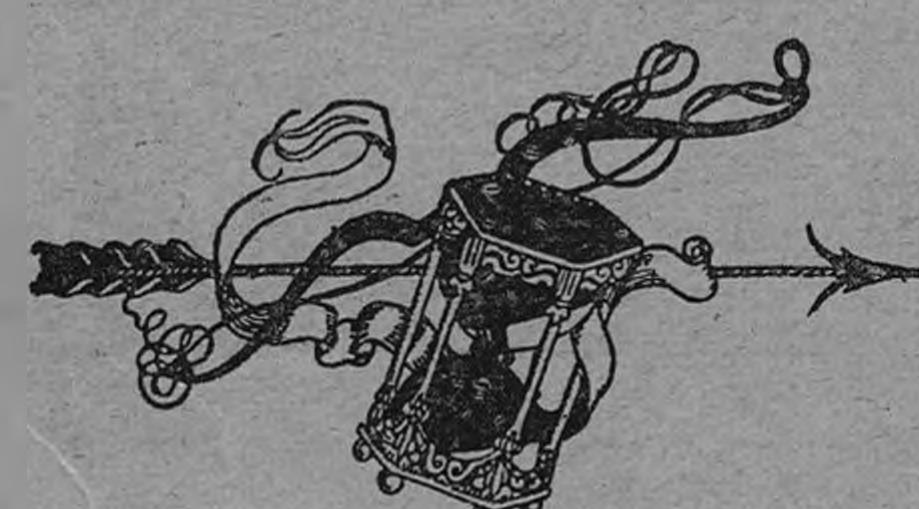

С холодным равнодушием английский офицер стал сить женщину.

Мы.

Некие, в смокинг одетые, атомы
Праха веков маринованный прах—
Чванно картают, что, мол,
„азиаты мы“—
На европейских своих языках!
Да, азиаты мы! Крепкое слово!..
В матерном гневе все наши слова!
Наши обновы давно уж не новы:
Киев и Новгород! Псков и Москва!
В наших речах—курский
свист соловьиный,
Волга и Днепр! Океан и фиорд!
В наших речах—грохот
снежной лавины!
Ржанье и топот Батыевых орд!

В наших глазах: золотой
щит Олега!
Плеть Иоанна! Курганская тиши!
Мертвенный холод Байкальского
снега!

Пламя Москвы! И плененный Париж!
В наших плечах: беломорские скалы!
В наших ушах: храп медвежьих
берлог!

В наших сердцах: самоцветы Урала!
В нашей груди: древний,
каменный бог! ..
— Эй, на запятки! Не вам-ли,
заявляя,
Путь преградить раз'ярившимся нам?
Или, озлившись, мы хлопнем Уралом
По вашим вылощенным котелкам!

Н. Агницев.

НИЩИЙ.

Рис. худ. Н. Акимова.

Повадился ко мне один нищий ходить. Парень это был здоровенный: ногу согнет—портки лопаются, и, к тому же, нахальный до невозможности. Он стучал в мою дверь кулаком и говорил не как принято: подайте, гражданин, а—

— Нельзя ли, гражданин, получить безработному.

Подал я ему раз, другой, третий, наконец, говорю:

— Вот, братишка, получай пять рублей и отстань, сделай милость. Работать мешаешь... Раньше как через неделю на глаза не показывайся.

— Ладно, — сказал нищий, рассматривая на свет полученные деньги.— Пускай так. Значит это за неделю вперед? Хорошо-с, прощайте...

Через неделю ровно нищий снова заявился. Он поздоровался со мной как со старым знакомым, за руку. Спросил чего пишу и сколько я получаю за работу — поденно или как.

Я дал ему пятерку, он кивнул мне головой, потряс мою руку и ушел.

Мих. Зощенко.

И всякую неделю, по пятницам, приходил он ко мне, получал свою пятерку, жал мне руку и уходил. Иногда, впрочем, присаживался на кровать и интересовался политическими новостями и литературой.

А раз как то, получив деньги, он помялся у двери и сказал:

— Прибавить, гражданин, нужно. По курсу чтобы... Невыгодно мне... Рубль падает...

Я посмеялся над его нахальством, но прибавил.

— Вот, — говорю, — еще два рубля — не могу больше.

— Ну что-ж, — говорит, — пущай так. Ладно.

Он спрятал деньги в карман, поговорил со мной о финансах Республики и ушел, громко стуча американскими сапожищами.

Наконец, на днях это было, он приходит ко мне. Денег у меня не было.

— Нету, — говорю, — братишка, сейчас. Извини. В другой раз зайди.

— Как, — говорит, — в другой раз? Уговор дороже денег... Плати сейчас.

— Да как же, — говорю, — ты можешь требовать?

— Да нет, плати сейчас. Я, говорит, не согласен ждать. Я, говорит, могу в инспекцию заявить. Нынче вас за это не погладят по головке... Довольно.

Посмотрел я на него — нет, не шутит. Говорит серьезно, обидчиво, кричать даже начал на меня.

— Послушай, — говорю, — дурья голова, сам посуди, ну можешь ли ты с меня требовать?

— Да нет, — говорит, — ничего не знаю. Пущай тогда инспекция разбирается.

Занял я у соседа семь рублей — дал нищему. Он взял деньги и, не

...поговорил о финансах Республики...

прощаясь, даже не кивнув мне головой, ушел.

Больше он ко мне не приходил — наверное обиделся.

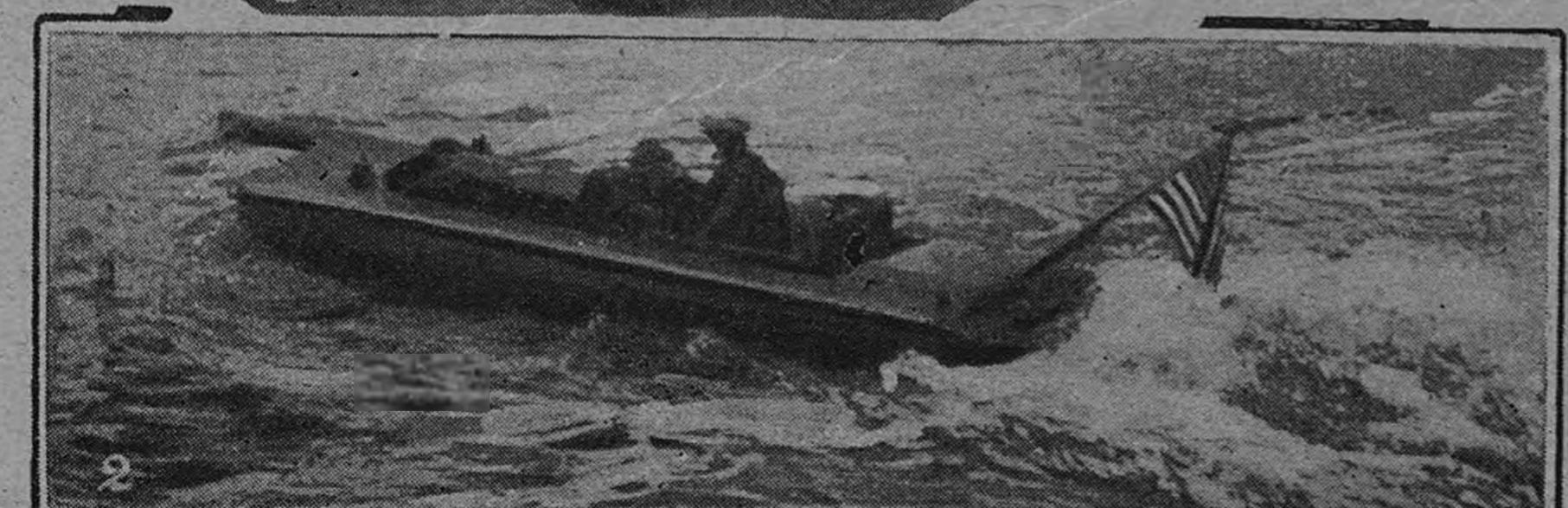
Мих. Зощенко.

Ирландская героиня

Английской полицией арестована героиня повстанческой борьбы в Ирландии, Маркевич. Она руководила восстанием в Дублине с 1916 г. Она самым яростным образом восставала против англо-ирландского дого-вра, навязанного Ирландии Ллойд-Джорджем. В течение последнего времени она скрывалась в лесах, где устраивалатайные собрания среди ирландских крестьян. Во время одного из переездов по железной дороге, ее выдали полиции.

ЗЕМНОВОДНЫЕ ТАНКИ.

ванный танк с одинаковой легкостью передвигается по воде и по сухе и с большей легкостью берет высоты. Очевидец рассказывает, что новый тип танка, пробежав по ровной дороге 25 миль в тече-

ние часа, поднялся на холм под углом в 40 град., быстро спустился в реку Гудсон, легко пересек реку, несмотря на сильное течение и, взобравшись по крутому берегу, продолжал свой путь.

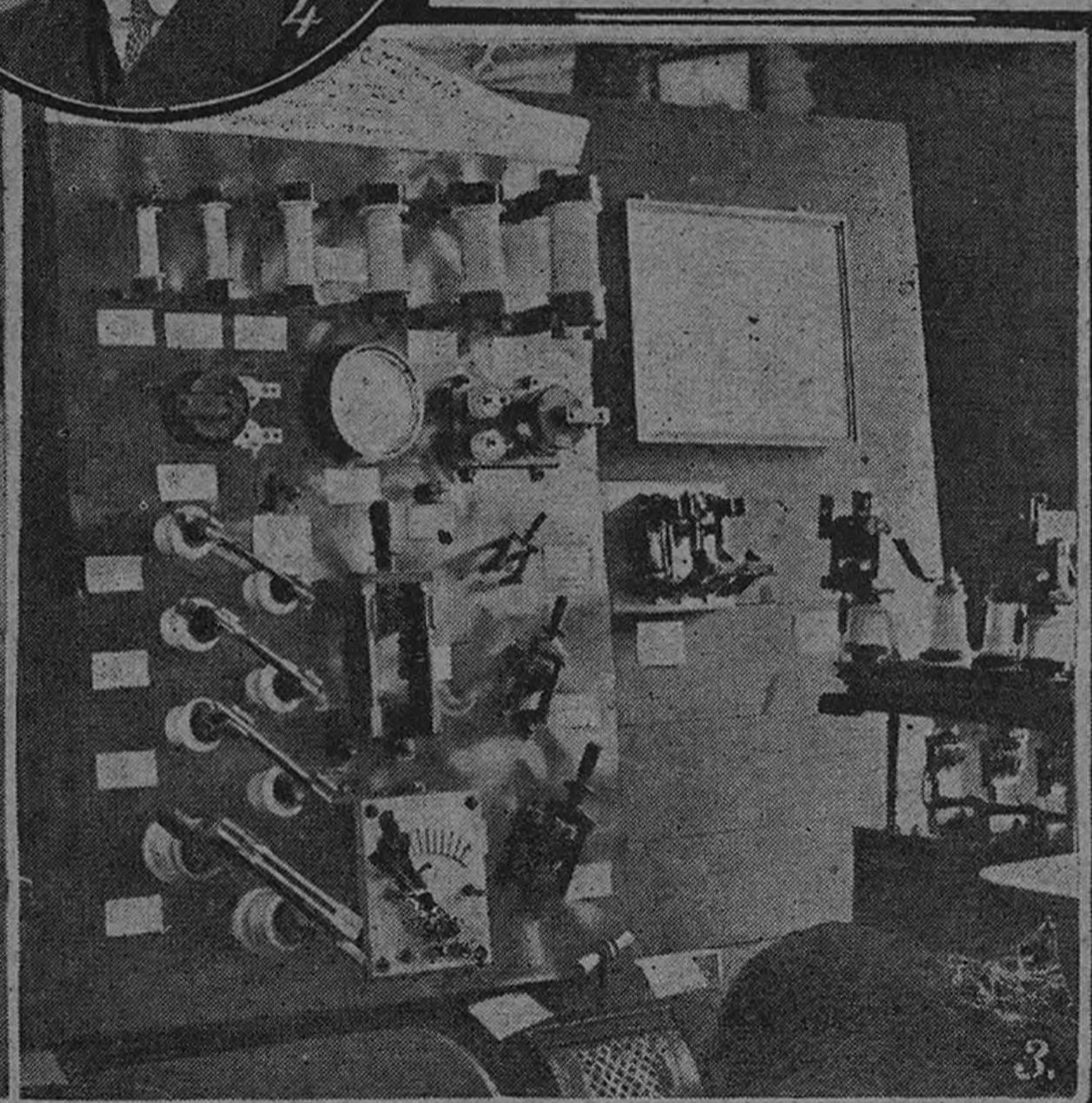
„Культурное“ человечество прогрессирует: американские военные техники усовершенствовали танки, сделав их земноводными. По сведениям „американского научного журнала“, демонстрация земноводных военных танков, изобретенных Вальтером Кристи, дала исключительные результаты: усовершенствова-

Выставка „Красного Путиловца“.

Фот. Н. Ольшанского

2.

3.

Рабочие „Красного Путиловца“ организовали выставку образцов производства завода. Выставка эта организована по образцу Эссенской выставки заводов Круппа, постоянно пополняемой новыми экспонатами крупновского производства. Путиловскую выставку предполагается в дальнейшем сделать постоянной. Рабочие „Красного Путиловца“ в свободные часы посещают выставку и, под руководством инструктора, подробно изучают образцы производства.

1) Внутренний вид выставки. 2) Автомобильные мастерские. Двигатель „Уайт“ для трехтонного грузовика в разрезе. 3. Отдел главного механика. Электрическая мастерская, изготовленная мастерскими завода, ранее импортировавшаяся из-за границы. 4) Начальник металло-графической и механической лаборатории инж. Гудцов — организатор выставки, положивший много энергии и знания для подбора образцовых экспонатов. В виду особого значения выставки, намечается организация экскурсий на „Красный Путиловец“.

Гражданская война в Китае.

Дворец военного губернатора Кантона ген. Шинг-Хунг-Инга. Дворец охраняется усиленным караулом, в виду опасения взрыва его инсургентами.

Цивилизованный мир...

(К Керзоновской ноте).

Шарж худ. Н. Акимова.

...действия Сов. Правительства вызвали глубокий ужас и неподобающий протест во всем цивилизованном мире... (из Англ. ноты).

Издатель: „Красная Газета“.

Редактор: Н. Глебов (Авилов).

Продаётся в киосках
и на всех станциях жел. дорог.

Цена 6 руб.

КРАСНАЯ ПОДГОРНАЯ

Помните о Воздухфлоте!

№ 4

26 МАЯ
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТРОГРАД.

Красная Панорама

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20, тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

26 мая 1923 г.
№ 4

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

РОССИЯ—НЕ РУР.

Заседание Петросовета 12 мая.

1) Заместит. наркоминдел
тов. Карабан.

2) Пленум Петросовета.

...мы проникнуты величайшим миролюбием, мы готовы идти максимум на встречу Великобритании, мы готовы самым добросовестным образом обсудить все разногласия, которые имеются между нами, и там, где возможно, там, где не нарушаются жизненные интересы, 'не затрагивается наше достоинство, договориться, пойти навстречу, выйти из конфликта.

Я думаю, мы не должны страшиться разрыва отношений с Англией и с точки зрения наших отношений, в особенности внутренних, которые настолько прочны, что разрыва с Великобританией сми, конечно, не вызовут.

Если Великобритания и лорд Керзон рассчитывают на то, что у нас внутри что-то неладно, сегодняшняя демонстрация

в Питере, не только в Питере, а—как имеются сведения—и по всей России, покажет рабочему классу, покажет европейским правительствам, что они ошибаются в своих расчетах, что смогут нас взять на испуг и путем ультиматума заставить капитулировать перед ними..."

(Из речи т. Карабана).
Фот. Булла.

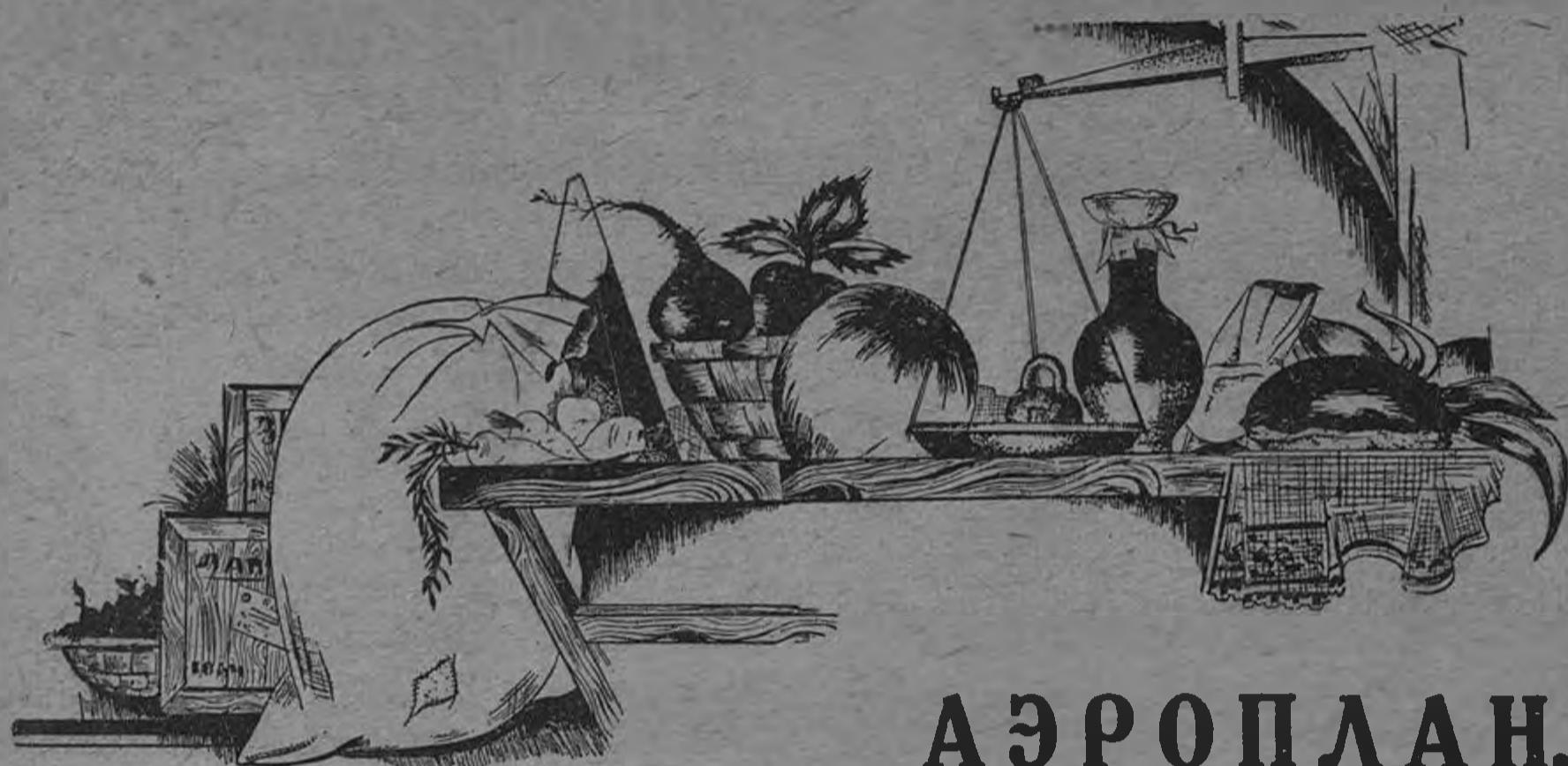

Рис. худож. Н. Акимова.

АЭРОПЛАН.

Рассказ Д. Четверикова.

Цыбулю, а по кацапски—лук, ну и еще чего наберешь, сядешь на выз; насины в подоле прожаренные. Ну, по вашему, не насины, а подсолнухи. Хай буде так.

Дид Гаврило кричит: Гоп! Кобыла хвостом крутить: Гоп! Гайда на Прилуцы, на базарное веселье. Четверг—базарный день. Как базарный день не побывать у Прилуцех?

Ну и базар! Кто не бывал на базаре у нас в Прилуках, с тем нечего и балакать. Наши хлопцы, еще не родясь,—на базаре перебывали, в материном чреве. А и после ни один базарный день не пропустят.

Дивчата! Тем давай пахучего мыла да ленты да бусы, намисточко. Известно, дивчине нужно что? Щечки мягкие, чтоб хлопец—парубок усом наколол...

Скажу: от самых Черкас и Пирятин до Дубового Гая и дальше — через всю Украину пройди, чать из самой Полтавы и то заезжали в Прилукский базар! А вот доехал до него та-й-годи! Очи разбросаются, в уши ударит гром—репогта. Возжа запутается. Кобыла задергается и гляди: зацепился колесом с каким-нибудь белочубым дидом— и ну полчаса-час всю родню перебирать крепким словцом.

Не знаю, як у ваших губерниях, а у нас в Полтавской николи чоловик бабу не перебалакивал.

Соберутся укруг хлопцы да дивчата. Им бы помочь, так нет. Нарочно, бисовы дети, так закрутят, заколомурят, что при-

ведется выпрягать коняку да на руках выз оттаскивать.

Ну, нехай! Таки встали в ряды. Выпряг дид кобылу. И место какое—самый коловорот! Гульбичем валит толпа. Хустки, свитки, квитки, синее, белое, малиновое, эх, что за спиднички, что за плахты бывают на свете! За одни плахты хлопцы пропадут! Как не захочешь обнять—приголубить дивчину, как вырядится в бархатную корсетку, да выпустит расписные рукава, да поведет черной бровью, да призвянет нитками бус!

Дивчата, парубки, торговцы, ниточники, старьевщики, конфектники, папирошки... Какой-то фокусник дергает шнур, рядом торгуют кавунами. Где-то украли с воза пугу и подняли крик, словно украли не пугу, а поро-

Эх, нигде так не умеют торговаться, как в Прилуках. Жид хитер. Себе на уме и хохол. Жид этаким чортом: отдай по три, пока даю. Скоро дам по два с половиной, отдаю, пока потри даю!

А хохол: Иди у жинки своей забери по три!

Жид на ухо шепчет: жида хочешь обмануть? Моли бога, если тебя жид не обманет. А хохол оком не моргнет: Иди до сосида: он без обмана торгует.

Шумит площадь. Всеми цветами переливается. Вся кипит. Вся ходит ходуном.

А солнце—солнце—так и печет, так и пригревает. Не даром из себя выходят чумазланы с ведрами:

— Вот вода, дешево вода! Вот холодная вода. Не даром квасница так и надрываеться:

— Квасу! Квасу холодного!

Хлопнет шапкой бараньей дид!

— А ну, гулять так гулять! Лый на копийку квасу!

В тот день, о котором балачка идет, такая сушь да пыль была, что не было зубов на базаре, чтобы не грызли арбузную корку, не было губ, чтобы не обсасывали грушевый черешок. А кацапня-солдаты, что на германский фронт отправлялись, понаехали нивесть откуда—те и совсем не дышат. Ходять, полой шинели пылят. Купили бы чего—карман пишит. На казенные харчи не разешься.

Одним газетчикам жара ни почем. Кричат, сколько убито нем-

цев на-смерть, а сколько у плен перешло. Все подробно рассказывают.

— Що ж це та-ке? — спрашиваю дида: усе они расскажут, кто ж куповать газетину буде, коли усе без грошей узнали? Диду Гаврило не любит, когда его с толку сбивают.

— А тож—говорит — что вышло распоряжение оглашать бесплатно число убитых, а ты, стара, слухай, да на усмотай.

— В расположении—говорит— сбит аэроплан противника — это газетчик опять.

— Ах ты, бисова бородавка—усе выбрехал—это я ему. А он зной свое верещит—и никто его товару не покупает.

Ну, тут кажется и скажу конец. Что про базар рассказывать? Треба на базаре самому побывать. Но не к тому балачка—раз-

...с переляку Гаврило надел на дивчину хомут.

сенка. Где-то музыка, где-то поют, где-то торгуются на веселье и удивление всей площади.

говор? Араплан... Вот тут-то оно и случилось.

Только Гайдаева бабка к беззубому рту кавуна ломот поднесла. Только наша Богдановская дивчина затянула песню, что спевают у нас на селе:

А священник обернулся
Звонким голосом вскричал:
Раз невеста не согласна
Не могу ее свенчать!

Только подхватили хлопцы да дивчата песню на соседних возах,—как гакнет кто-то:

— Араплан!

Что тут было—сказать нельзя.

— Араплан!—кричит солдатня-кацапня.

— Бонбы бросать будет!

Дывись, дывись! Он—оно!

— Лезь пид выз!

— Рятуйте!

Ревмя взревел базар. Ой, ма-тенько! Горшки, мокитры, дижи, кувшины, лотки—все полилось, все потекло, посыпалось, опрокинулось, покатилось!

— Спасайся, кто может!

Кричат кацапы, а чего кричать—без того все головы поте-

...Кацапы перелякали, щоб покормиться да посумовать.

ряли. Дид Гаврило с переляку на дивчину Маруську хомут одел.

А я—старая дура—на чужой выз вскочила, кричу: Погоняй! Погоняй!

Сметана течет, а солдатня голодная в рот, да в живот!

Выскочила кобыла через кавуны в проулок, а следом так и лупит в уши гамотня:

— Рятуйте! Араплан! Убил!

Ведь и куда заховаться от него? Везде отыщет, разбойник. Ты в яму—а он тебя сверху! Ты под крышу—и он тебя сверху!

Не помню, как попали мы за город на свалки.

— Ну—думаю—теперь ему не

достать! Кобыла мокрая, бока ввалились, еле передохнет!

— Галю! Галю!—кричит мне чужой человек: Яка ж ты стала стара та погана!

— Яка я тоби Галю! Усе была Маринной, а теперь стала Галю! Погоняй, старый чуб!

Да як глянула! що це таке? Дид не дид!

— Диду Гаврило! — кричу — чью ж це ты свитку украв?

— Ни, Галю—плачет человек: не Гаврило я, Петрусь я, сказылась ты, мое серденько! Тут-то поняла я: на чужой воз села.

— Ой, лихонько! Послушайте, дядько!..

Як же це зробилось!..

Не то обидно, что цыбуля пропала, а кацапы—солдатня скучали ее на здоровьице, а тогоре, что араплана ни якого не було.

Одна брехня. Кацапы перелякали, щоб покормиться да посумовать!

Це и усе. Спасибоночко вам, що послухали та що я з вами побалакала...

Димитрий Четвериков.

Заседание Английского Парламента.

(„Иллюстрасьон“).

Ультимативная нота лорда Керзона, переданная Советскому Правительству, была послана помимо английского пар- ламента. При последующем обсужде- нии ноты в парламенте „его величества короля“ произошли бурные дебаты. Рабо- чая фракция парламента—заявила, что все последствия за возможный разрыв с Рос- сией „она возлагает на правительство“.

Речь лорда Керзона по русскому вопросу в парламенте. В глубине слева—рабочая фракция парламента. Справа за Керзоном сидит новый председатель правительства—Болдуин.

Продается в киосках
и на всех станциях жел. дорог.

Цена 6 руб.

Красная Панорама

Вид Площади Восстания
с аэроплана.

№ 5

12 ИЮНЯ
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТРОГРАД.

Красная Штандарт

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20. тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

12 июня 1923 г.

№ 5

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

Помощь Р.С.Ф.С.Р. рурским рабочим.

Сверху: представитель Советской Федерации т. Козелев (от Нижнего Новгорода) на митинге рабочих в Берлине рассказывает о достижениях Революции.

Берлинский „Иллюстрированный Журнал“ воспроизводит момент раздачи хлеба, присланного рурским рабочим из России и делает следующую приписку: „Русские рабочие и крестьяне, поделившись с рурскими рабочими тем немногим, что у них есть, лишний раз подчеркнули, что международная солидарность рабочих для них не пустой звук, а моральное обязательство, для выполнения которого они готовы на жертвы“.

„СВЯТАЯ АДОРАТА“.

Гильем Аполлинер *).

Рис. худ. Н. Акимова.

Однажды я посетил маленькую церковь в Чепени, в Венгрии, и мне указали очень почитаемую туземцами раку. «В ней покоится тело Адораты», сказал мне проводник. «Около пятидесяти лет назад могила ее была найдена неподалеку отсюда. Вероятно, она была умучена в первые времена христианства, в эпоху римского владычества. В окрестностях Чепени проповедывал диакон Марцеллин, свидетель распятия святого

.. я изучал медицину...

Петра. По всей вероятности, святая Адората была обращена им, а после мученического конца римские священники скончали тело блаженной. Предполагают, что Адората — это латинский перевод ее языческого имени, так как не думают, чтобы она получила какое-нибудь другое крещение, кроме крещения кровью. Такое имя не наталкивает на мысль о христианстве, но то, что тело так хорошо сохранилось, что оно найдено было не тронутым после стольких веков, проведенных под землею, ясно указывает на то, что это — одна из избранных. Вот уже десять лет, как Адората причтена к лику святых».

Я рассеянно слушал эти объяснения. Святая Адората никак не интересовала меня и я уже собирался выйти из церкви, когда внимание мое было привлечено глубокими вздохами замершими подле меня. Вздыхал маленький, чистенько одетый старичок, пристально глядевший на раку.

Я покинул церковь, а маленький старичек вышел за мной. Я обернулся, чтоб еще раз увидеть его маленькую фигуру. Он улыбнулся мне. Я поклонился ему.

— «Верите ли вы объяснениям, которые вам дал ризничий? — спросил он меня по французски, произнося «р» на венгерский лад. — «Я не интересуюсь святыми и ничего не понимаю в этих вопросах», — ответил я.

«Вы только мимоходом срединас», — сказал он, «а я так давно жажду открыть комунибудь тайну, что сообщу ее вам, ид при условии, что вы ее никому не откроете».

Любопытство заставило меня пообещать ему не выдавать его тайны.

— Святая Адората была моей любовницей! просто заявил странный старичек.

Я отступил, полагая, что имею дело с безумным. Мое изумление вызвало у него улыбку и он продолжал.

— Я не сумасшедший и сказал вам правду: святая Адората была моей любовницей. О, что я говорю: если-б она хотела, она была бы моей женой. Вот послушайте историю моей жизни:

Мне было девятнадцать лет, когда я узнал ее. Сейчас мне больше восьмиде-

* Аполлинер принадлежит к числу наиболее талантливых левых художников слова современной Франции.

посоветывали мне отдохнуть и, для перемены обстановки, попутешествовать.

Я отправился в Италию. В Пизе я встретил ту, которой отдал свою жизнь.

Она сопровождала меня в Рим, в Неаполь. В этом путешествии любовь делала все прекрасным. Я хотел привести ее сюда, в Венгрию, что бы представить моим родителям и жениться на ней. Но однажды утром я нашел ее мертвей.

Старик на минуту замолчал. Когда он снова начал, голос его дрожал:

— Мне удалось скрыть смерть моей любовницы от прислуги отеля и я достиг этого, прибегая к уловкам убийцы. Я и теперь содрогаюсь при воспоминании об этом. Меня ни в чем не заподозрили и думали, что спутница моя уехала на рас-

свете. Не стану описывать ужасные часы, проведенные мною подле любимой, тело которой я укрыл в сундуке: короче говоря, я был настолько ловок, что незаметным образом набальзамировал тело. Мне удалось беспрепятственно преодолеть все трудности путешествия.

Проезжая Вену, я купил у антиквара каменный саркофаг, не помню какой эпохи. Дома мне предоставляли делать все, что я хочу, не заботясь о моих действиях и никто не удивлялся ни весу, ни количеству багажа, привезенного мною из Италии. Я сам выгравировал надпись «Адората» и крест на саркофаге, куда заключил, повитое повязками, обожаемое тело. Однажды ночью с безумными усилиями я перенес мою любимую на соседнее поле, так что только я один знал это место.

Прошел год. Однажды мне пришлось уехать в Будапешт. Каково же было мое отчаяние, когда, вернувшись по истечении двух лет, я увидел завод, воздвигнутый как раз на том месте, где я похоронил мое сокровище, любимое больше жизни. Я был близок к помешательству и думал о самоубийстве. Но священник, посетивший нас вечером, рассказал, что рабочие, роя яму под фундамент для завода, нашли саркофаг христианской мученицы римской эпохи, по имени Адората и что эту драгоценную находку перенесли в местную церковь.

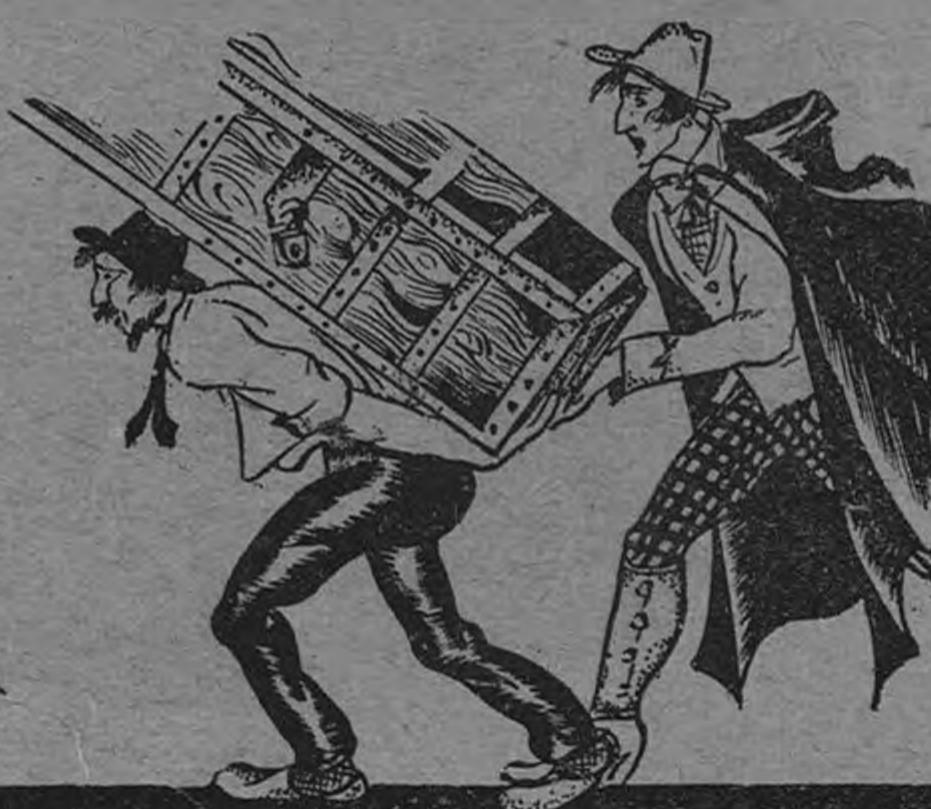
Сначала я готов был раскрыть священнику его ошибку. Но раздумал, полагая, что в церкви буду иметь перед глазами мое сокровище, когда захочу. Любовь говорила мне, что Адората достойна поклонения за великую красоту, исключительную прелест и за глубокую любовь, которая, быть может, и убила ее. В краткой жизни своей она была добра, кротка и если бы не умерла, я сделал бы ее своей женой. Я предоставил обстоятельства их течению. Ту, которую я так любил, назвали преподобной, потом ее причтили к блаженным, а пятьдесят лет спустя после открытия ее тела, она была причислена к лику святых. Я сам отправился в Рим, чтобы присутствовать при церемонии, и это было самое прекрасное зрелище, которое я видел...

Он кончил со слезами на глазах, повторяя: «Святая Адората, святая Адората».

пер. И. А. Б.

Мне удалось, благодаря суете в гостинице, вынести тело Адораты в сундуке...

Кто автор „Интернационала“?

В Париже закончился процесс, продолжавшийся ровно 20 лет: процесс о том, кому принадлежит авторство рабочего гимна — „Интернационал“. Вопрос о новом гимне нового человечества, выражавшем чаяния и надежды трудящихся всего мира, был предметом суждения французского суда в течение целых 20 лет и теперь закончился признанием авторских прав рабочего-композитора Пьера Дегейтера.

Французские рабочие круги были очень заинтересованы этим процессом, и поэтому «Л'Юманите» послала своего специального корреспондента к Пьеру Дегейтеру.

Вот как корреспондент газеты описывает свою встречу с автором „Интернационала“:

„Я приехал в Сен-Дени. Узенькая улица — Алюэтт, — где рабочие поколениями сменяли друг друга, живя в нищете и рабстве, вдыхая гнилой и сырой воздух рабочего городка. На внешности улиц, стен, домов — тяжелая, неизгладимая печать многовековой нищеты. Я задыхался здесь, задыхался от ненависти и проклятия...

Я вошел вглубь двора. Поднялся на второй этаж. Постучался:

— Пьер Дегейтер здесь живет?

Старушка лет семидесяти, очевидно жена Дегейтера, приветливо отвечает:

— Здесь. Пожалуйста. Муж сейчас придет: очевидно заболелся, где-нибудь на дворе.

Я огляделся. Жалкая беднота, но чисто и уютно. Через несколько минут появился и сам Дегейтер. Его внешность: типичный французский рабочий. Лицо изборождено морщинами, не столько от старости, сколько от изнурительного труда и страданий. Широкое открытое лицо, прямой суровый взгляд, взгляд человека, который ясно видит все происходящее в современном Вавилоне и проникает в будущее. Голос низкий, речь медлительная, свойственная всем фламандцам.

Мы беседуем — о многом. Старика рабочего все интересует. Рассказываю ему и о России. Едруга глаза его загорелись ярким блеском: он, оказывается, только от меня узнает, что созданный им „Интернационал“ сделался официальным гимном Российской Советской Республики. До сих пор он этого не знал...

Дегейтер рассказывает о своей жизни. Он родился в Гане в 1848 году: настоящий сын народа. В 1855 году он эмигрировал с отцом в Лиль. У отца его было 8 человек детей, а зарабатывал он всего 50 сантимов в день. Жили они всегда впроголодь.

Рабочую лямку Пьер начал 8 лет от роду. До 16 лет он работал в качестве

ученика в прядильной мастерской, затем научился столярному ремеслу, потом рисованию и, наконец, сделался формовщиком по дереву. Несмотря на изнурительный 14-часовой рабочий день, Пьер находил время для самообразования.

Он много читал, отказывая себе для этого в необходимом отдыхе. Что особенно его привлекало с детства — это музыка. Сначала он изучал ее самоучкой, затем, уже взрослым, посещал Лильскую консерваторию. Он пел, играл на нескольких инструментах. Ни один рабочий кон-

том, что написанная им рабочая песня исполнялась на улицах и заводах всем рабочим людом Франции.

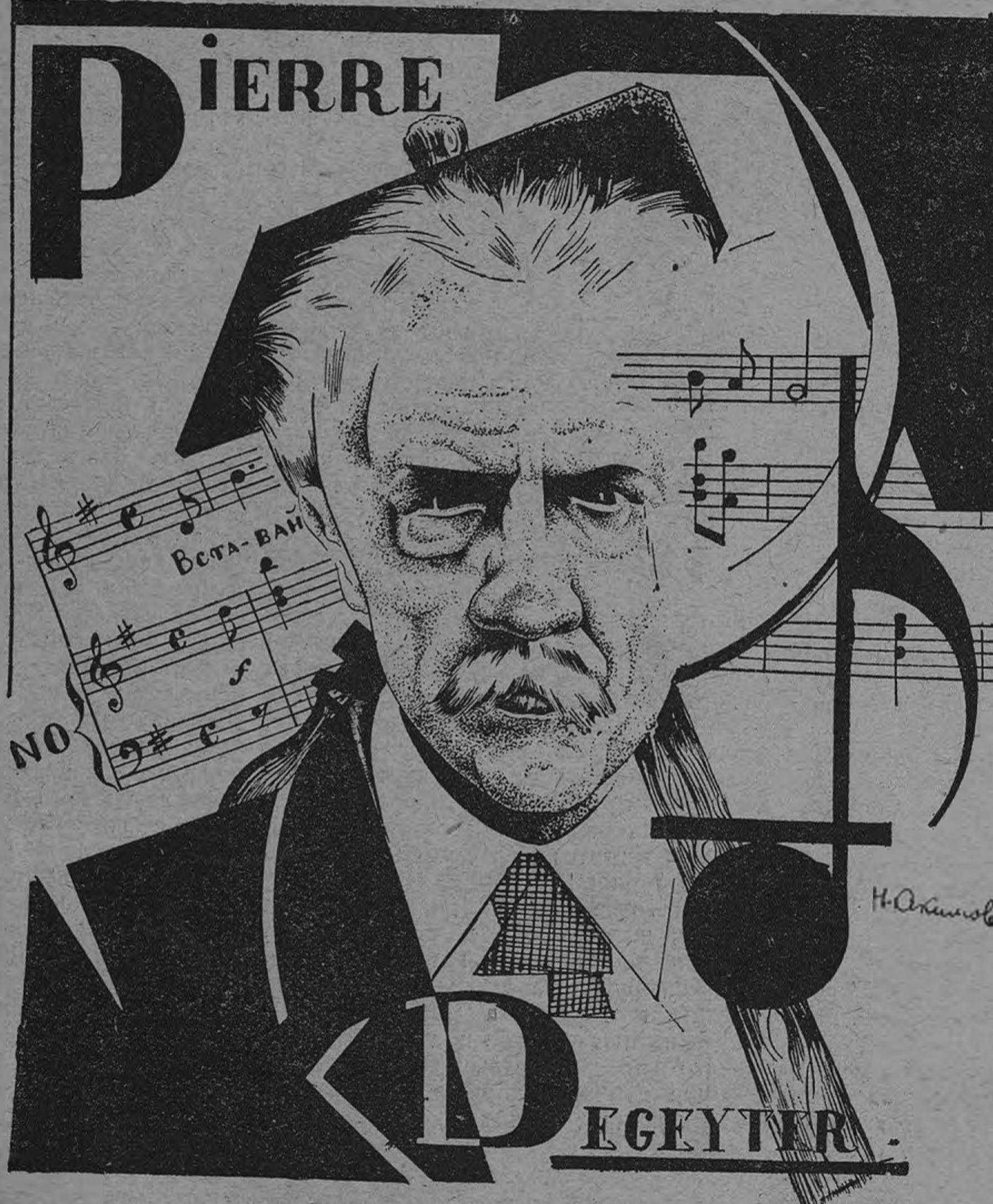
Секретарь хора Делор в 1892 году впервые напечатал музыку „Интернационала“, но без упоминания автора. В 1894 году издание было повторено и приписано брату автора — Адольфу.

В 1901 году издательство „Пропаганда Социализма“ официально запросило Делора об авторе рабочего гимна и Делор повторил, что автором „Интернационала“ является Адольф Дегейтер.

В 1903 году Пьер Дегейтер сделался жертвой несчастного случая, надолго удалившего его из мастерской. Наступила нищета и друзья посоветовали ему воспользоваться своими авторскими правами на „Интернационал“. Все попытки Пьера Дегейтера восстановить свои права на написанную музыку были, однако, тщетны. В Париже над ним насмехались, его обвиняли в присвоении чужих прав, угрожали заявлением в суд. Для доказательства своих прав Пьер Дегейтер принес издательнице оригинал „Интернационала“. Издательница, воспользовавшись бедственным положением автора, предложила ему продать эту рукопись за 200 франков. Сделка состоялась, но она же лишила Дегейтера возможности доказать свое авторство, так как Делор настаивал на своем первом показании, а брат Адольф был в безвестной отлучке.

Пьер Дегейтер лишь в 1904 году обратился в суд с заявлением о восстановлении своих авторских прав. 20 лет продолжалась судебная волокита. 32 раза назначалось дело к слушанию и откладывалось. Закончилось оно лишь недавно, когда было опубликовано

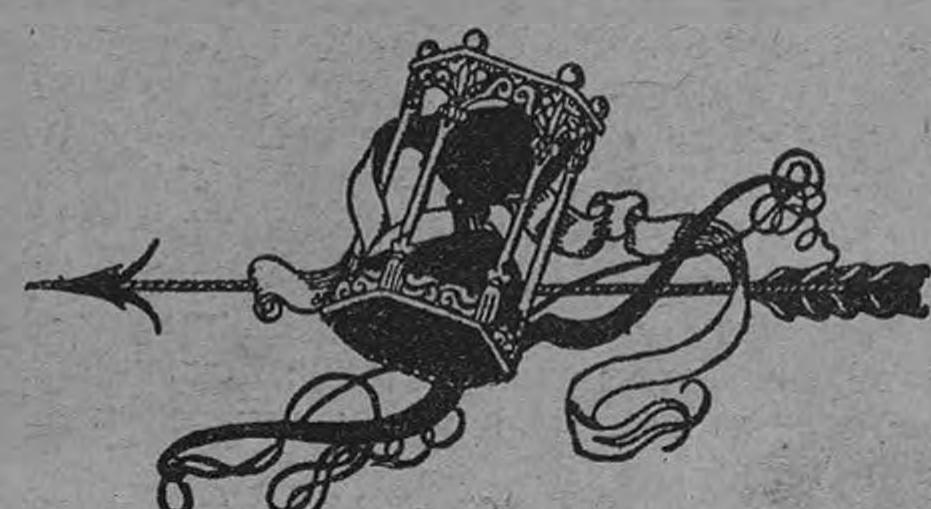
письмо Адольфа Дегейтера, заявившего письмом в суд и газеты, что творцем международного рабочего гимна „Интернационала“ является никто иной, как Пьер Дегейтер...

Автор „Интернационала“. Портрет (с французского оригинала) работы худ. Н. Акинова.

церт не проходил без его участия и он сделался настолько популярным, что когда в 1888 году лильские социалисты организовали хор, названный „Лирий трудящихся“, руководителем хора приглашен был Дегейтер. В том же 1888 г. Дегейтер, работая над революционными песнями Потье, пришел к мысли о необходимости написать специальный рабочий гимн и в конце того же года „Интернационал“ был написан, сначала для одного голоса и первым его исполнителем был брат автора — Адольф. Вскоре новый гимн был разучен всем хором и впервые исполнен в самом конце 1888 г. на рабочем празднике, где имел огромный успех.

В 1889 году Дегейтер оставил заведование хором, но не принял никаких мер для охраны своих авторских прав: он чувствовал высшее удовлетворение в

на Эйфелевой башне
или
Принцип Сего Дня
(эксцентрики о себе).

Зарисовки худ. Н. Акимова.

Внешторг — учреждение хорошее и существует само по себе. Башня Эйфеля — тоже не скверное. Сочетание двух учреждений этих дает неожи- данно:

— 1-ое правило эксцентризма: „театр отражает современность последней секунды. Больше: все то, чем дышет последняя секунда“.

И в пьесе финал: „Внешторг на Эйфелевой башне“. Сегодня — бум (эксцентризм, неправдоподобие), завтра — факт. Фэкс (фабрика эксцентрического актера), показавшая 4 июня свою новую работу в самом названии пьесы определяет главное.

Вопрос: что важнее всего сегодня? Ответ: 1) С.С.С.Р., Внешторг и их победы. 2) Башня Эйфеля. Продукт техники века. Фактор максимальной значимости. Источник новой „красоты“ — утилитарной (центр радиосношений).

Первый принцип сего дня: ставка на массу. Улица, площадь, бульвар, завод. Многоголовый потребитель. Задача: власть десятка над миллионом — устраниТЬ. Для этого — (второй принцип): организация. Организованная толпа — власть будущего (у нас — и настоящая). Далее вкус организованной массы легко учесть. Главные требования: сделанность, прочность, нужность и игры — вызвали многочисленность,

продукта. Нужно: громко, убедительно, ясно о себе заявить. Для этого — заставить всю мимо несущуюся массу остановиться. Поразить ее. Тогда — услышат, оценят, испробуют.

Принцип — выкрика, — неожиданность, краткость — принцип деловой рекламы наиболее организованной до сего дня страны — Америки. Говорят: американская реклама — свойство капиталистического строя. Говорят: реклама — для торговых целей, не больше. Для большего „культурная пропаганда“.

Не верно: американскую рекламу надо использовать для советской агитации. Это и было дано в пьесе — „Внешторг на Эйфелевой башне“, в постановке, в игре. В сюжете: — Р.С.Ф.С.Р., побеждающая лига наций на конкретном факте, Внешторг, пользующийся американской техникой для воцарения на башне Эйфеля, Пепо, поселяющееся в Лувре. Сцены, диалоги, реплики все — для одной цели: выравнивания в публику острого советского лозунга.

Чисто формальные требования — результат новой техники драматургии

Арт. З. Тарховская.

и быструю смену сцен, введение киноинтриг, эксцентрических и американализированных персонажей, необычайных положений и трюков. В частности, одним из основных пунктов работы являлось желание дать зрителю всестороннее современное зрелище, демонстрацию различного вида внешнего актерского мастерства. Для этого была избрана форма, допускавшая введение мюзик-холльных, цирковых номеров, наиболее отвечающих требованиям современного зрителя. „Внешторг на Эйфелевой башне“ был показан условиях спешки, недоделанности. В осеннем репертуаре „Фекса“ он примет вид подлинно-агитационного, занимательного эксцентрического представления.

Григорий Козинцов.

Леонид Трауберг.

Экспедиция

на северный полюс.

1. Гигантский аппарат, на котором будет совершено путешествие в арктические страны. 2—3) Амундсен — глава экспедиции — и его помощник, 4) Воздушная станция для нового аэроплана.

Продается в киосках
и на всех станциях жел. дорог.

Цена 6 руб.

КРАСНАЯ ЦИФРОВКА

№ 6

28 ИЮНЯ
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТРОГРАД.

КРЕСТАЯ ЛЮДОВОДА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20. тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

28 июня 1923 г.

№ 6

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

Фот. Н. Ольшанского.

Конкурс здоровых детей.

(В Детском Селе).

10 июня в Детском Селе в помещении консультации «Капля молока», состоялся конкурс на здорового ребенка, в котором участвовали прикрепленные к консультации дети. Из прикрепленных 200 детей было выделено для соревнования в конкурсе всего 60 (45 детей до года и 15 от года до 3 лет).

Для премирования выдержавших конкурс детей комиссией был получен от местного откома хатист.

Жюри, внимательно осмотрев каждого ребенка в отдельности и сравнивая более или менее одинаковых конкурентов, выделило лучших и распределило премию по 3 арш. хатиста и 11 аттестатов.

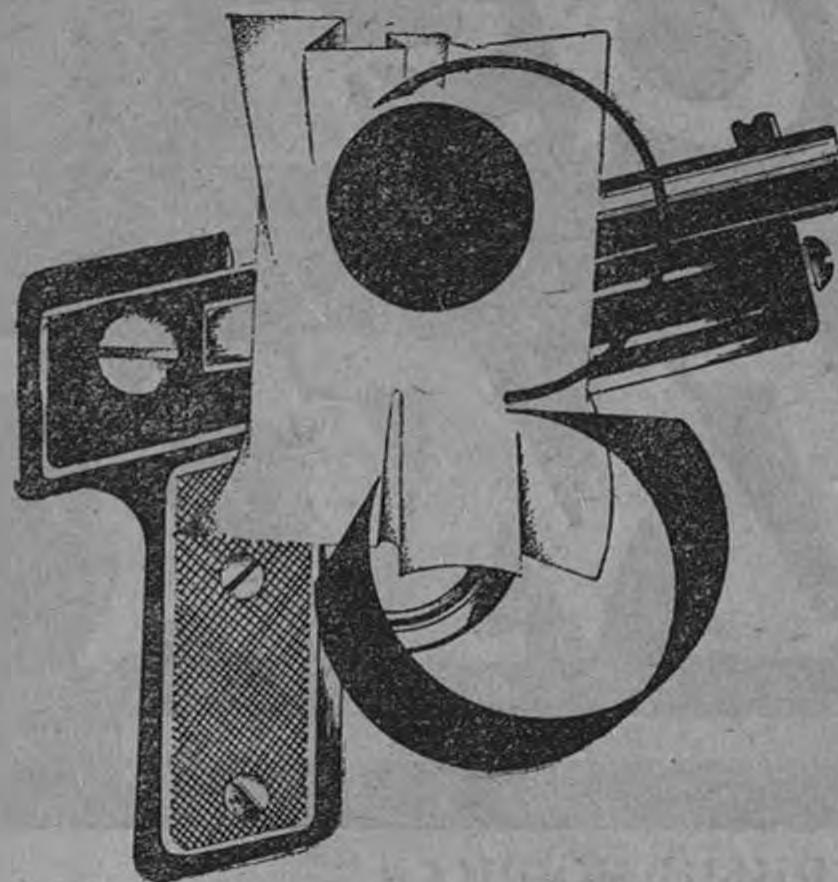
Наиболее развитыми и упитанными пропорционально своему возрасту, а также обладающими гармоничным телосложением, детьми до 1 г. оказались:

1 премия Метаксуди Нина—5 м., 17 фунт., дочь студента Петр. В'яза; 2 премия Акимова Елена—4 м.—15 $\frac{1}{2}$ ф., дочь ж. д. служащ. и 3 премия Беляев Влад.—6 м.—21 ф., сын красноармейца. Остальным пяти были выданы только аттестаты.

Дети от 1 года до 3 лет: 1 премия Сурова К.—1 г. 11 м.—33 ф., дочь красного командира, 2 премия Климентьев М.—2 г. 2 м.—31 ф., дочь красноарм., 3 премия Парамонова Е.—2 г.—29 ф., дочь рабочего.

1) Группа матерей с детьми перед конкурсом. 2) Жюри. 3) Премированные дети.
4-5) Участники конкурса.

ИАК КРАСНЫХ

Рассказ С. Тимошенко.

Рис. худ. Н. Акимова.

Глава 1-ая.

Донесение капитана Вильяма Венчворт.

...когда восстание приняло угрожающие размеры, и капитан Дувер был убит индусами, Великобритания направила в Риндуру генерала Робса с тремя отрядами колониальных войск. 13-го прошлого месяца произошло покушение на генерала. 18-го Робс нашел на дверях своего бунгалло таинственный знак — красный диск на белом листе бумаги. 21-го Робс был найден убитым, убийцы не обнаружены. Имеются данные о наличии целой организации индусов, ставящих своей целью освобождение от колониального владычества Англии. Заподозрено и казнено — 16 человек.

Я прибыл, согласно приказу, 30-го числа.

Население Риндура крайне неспокойно. Брожение продолжается.

Солдаты — индусы дезертируют из туземных отрядов. Сегодня ночью я нашел на стене предупреждение о готовящемся на меня покушении — знак красных, подобный полученному Робсом за три дня до его смерти. Прошу выслать отряд, главное — офицеров.

Капитан Вильям Венчворт.

Глава 2-ая.

У лорда Джонса.

Лорд Джонс, премьер-министр Англии, мрачно перечитывал донесение.

С улицы слышался заглушенный тяжелой бархатной шторой шум — гудки авто, звонки трамвайных колоколов и гул вечерней толпы.

У большого стола министра стоял его секретарь Голлам, молодой белокурый человек. Лорд Джонс положил донесение на стол и поднял голову.

— Все сделано, Голлам?

— Так точно, милорд. Завтра в Риндуру отсылается новый отряд.

— Люди надежные?

— Смею думать, милорд. Во время войны отряд был под Верденом.

— Кто офицеры?

— Мак Окэди и лейтенант Реш.

— Окэди — знаю, а кто — Реш?

— Лейтенант иностранного легиона. Прикомандирован французским правительством к нашим колониальным войскам. Маршал Фош рекомендовал лейтенанта, как отличного знатока Индии.

— Владеет языком?

— Так точно, милорд. До настоящего времени лейтенант Реш был переводчиком при штабе колониальных войск.

— Его национальность?

— Простите, милорд. Легионеры имеют право не указывать национальности.

— Странные обычаи во Франции...

— Не забывайте, милорд, что эти обычай касаются лишь Иностранного Легиона.

— Хорошо. Отряд отправляется завтра?

— Так точно.

— Скажите офицерам, пусть действуют решительно. Беспощадная борьба с мятежниками...

В углу застучал приемник радиотелеграфа. Секретарь бросился к аппарату. Длинная белая узкая лента — медленно выползала из валиков.

Глава 3-ая.

Телеграмма из Риндура.

— Что с вами, Голлам? Почему у вас такое странное лицо?

— Милорд.. телеграмма.. из Риндура...

— Важное сообщение?

— Смею думать, милорд!

— Читайте!

И секретарь министра хриплым голосом сказал:

— „Риндуру. 8-го. Капитан Вильям Венчворт убит“.

Глава 4-ая.

Мак Окэди ложится спать.

Двое суток прошло без сна.

Двое суток — расследование, аресты, суд и смертная казнь.

Пойманы все главари мятежников, обнаружен молодой индус, оставивший на дверях убитых английских офицеров знак красных.

Суд справедлив и жесток.

Толпа осужденных на большом дво-

... суд справедливый и жестокий“.

ре казарм. Тут же на стене слова средневековой формулы закона:

„...закон гласит, что отсюда вы отправитесь в тюрьму, откуда вы будете доставлены на место казни и там повешены за шею, пока не будет каждый из вас мертв, мертв, мертв.“

Бог да спасет ваши души...“

И дальше:

Столб с перекладинами, окоченевшие трупы, стоящие на показ и на устрашение.

И на трупе молодого индуза прикреплена бумага со знаком красным и написано: за этот знак.

Двое суток прошло без сна, и Мак Окэди устал.

Все дело вел он один. Один, потому что лейтенант Реш заболел при самом начале арестов.

Хотя там, в Лондоне, уверяли, что Реш знаком с Индией; хотя он, действительно, бывал в Индии и даже, именно, в Риндуре, ибо ему кланялись индусы при проезде по дороге — все-таки климат подействовал, и Реш жалуется на невыносимые приступы лихорадки. И двое суток, пока Окэди действовал, Реш не выходил из своего бунгалло.

Довольный сам собой и поэтому переставший злиться на лейтенанта Реш, после двух суток, проведенных без сна, Мак Окэди лег спать. Минута, и Окэди заснул крепким сном.

Глава 5-ая.

Лейтенант Реш бодрствует.

В лесу, в трех километрах от стоянки английских колониальных войск, — пагода. Перед многоруким Буддой — желтое жертвеннное пламя. Оно не угасает ни днем, ни ночью. Старуха и молодая девушка, живущие при пагоде, зорко и неусыпно следят, чтобы священное пламя не погасало.

Сон смежил глаза старой, но девушка не спит. Ей страшно.

Ветер громыхает железными ставнями, низко стелется жертвенный огонь, и лошадиный топот приближается к храму.

Девушка осторожно выходит из храма.

Всадник приближается.

Еще мгновенье, и лейтенант Реш спрыгивает с седла.

— Саиб — шепчет девушка — Саиб.. Здесь никого нет... Это храм... Закон белых позволяет нам молиться богам... Что надо Саибу?

— Не бойся, подойди ближе... Я не трону тебя... Я хочу знать, где Мэни... Она лет десять назад была здесь жрицей...

— Мэни? шепчет девушка, — Мэни?

— Да ты ее знаешь?

— Это была моя сестра, Саиб!

— Ты сказала „была“... Разве она...

— Мэни умерла, Саиб...

Лейтенант Реш долго молчит. Губы его шепчут какие-то слова, но голос не повинуется.

— Саиб, ты не тронешь храма... Саиб, ты не расскажешь своим братьям англичанам, что я — сестра Мэни. Если они узнают, они убьют меня.

Нет... хрюпло говорит Реш — англичане мне не братья... Я — из иностранного легиона.

— Из легиона? Сам Брама послал тебя сюда... Саиб, ты знаешь всех офицеров в легионе?

— Да.

Саиб, когда то у нас был в джунглях Легион. Один из офицеров по любил мою сестру Мэни. Он был родом из соседней страны, где теперь нет рабов... Он научил Мэни любить свободу. Когда Легион уехал, наш народ восстал против англичан. Мэни пошла с народом... Ее убили...

— Убили? Мэни убили?

— Да, Саиб. Умирая, Мэни просила передать своему любимому — она любила этого офицера из Легиона, любила, Саиб, — если Легион будет снова здесь, что умерла за свободу... Саиб, ты может — быть, найдешь этого.

Что с тобой, Саиб...

Но лейтенант Реш уже вскочил на лошадь, вонзил шпоры в бока. Лошадь понеслась.

— Саиб, остановись! Саиб! Ты не спросил имени...

Бешено несется всадник назад к стоянке. Ветер едва доносит голос девушки.

— Саиб, его звали — Реш....

Глава 6-ая.

Знак красных.

Шум падающего стула и стук двери разбудил Окэди. Он быстро вскочил с кровати, судорожно сжав в руке кольт.

В бунгалло никого не было. Лунный свет проходил сквозь кисею окна и освещал бумагу на столе.

Окэди взял ее в руки.

Под красным диском на белой бумаге стояли слова: "Смерть Угнетателям"!

Окэди выбежал на воздух.

По узкой тропинке, идущей вниз, неизвестный всадник удалялся в леса. Окэди выстрелил.

...

Луна отражалась в горном ручье и делала воду особенно прозрачной.

Этой водой вымыл лейтенант Реш раненную руку.

Глава 7-ая.

"Секретно".

Премьер-министр поднялся со стула и сказал:

— Откройте окно... Здесь душно, Голлам!

Белокурий секретарь немедленно выполнил приказание.

— Эту телеграмму отошлите военному министру... Прочтите ее и знайте, что она никогда не может попасть в газеты... Напишите министру, что это — секретно.

И секретарь прочел:

«Риндвур. Все форты заняты восставшими. На сторону мятежников перешел лейтенант Реш. Продержимся еще сутки. Помогите, если можете... Окэди».

И когда секретарь вопросительно посмотрел на премьера, Лорд Джонс покачал головой и сказал:

— От ближайшей стоянки колониальных войск — до Риндвура двое суток езды по горным тропинкам. Сообщите родным о смерти Окэди!

С. Тимошенко.

"... сообщите родным о смерти Окэди..."

Кооперативная Конференция.

фот. Булла.

Общегородская кооперативная конференция на своих заседаниях наметила вехи будущей работы Петербургской кооперации, особенно интересные в связи с международным днем кооперации, состоявшемся 7 июля.

Кооперация особенно важное значение кооперативного дела приобретает чрезвычайное значение, ибо кооперация занимает только она в состоянии конкурировать с почетное место на пути развития организованного рынком и снабжать малоимущих всем необходимым.

В свете этой задачи, организация

Общее собрание членов Кооперативной Конференции, состоявшейся в Смольном. За столом президиума — председатель конференции — тов. Глебов-Авилов и т. т. Евдокимов, Бадаев, Пучков и др.

Продается в киосках
и на всех станциях жел. дорог.

Цена 10 руб.

Красная

Панорама

Восстановление памятников
старины.

№ 7

12 ИЮЛЯ
1923 г.

Издание „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТЕРБУРГА.

Красная Любопытство

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20. тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

12 июля 1923 г.
№ 7

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

Восстановление и украшение Петрограда. Фот. Булла и С. Магазинера.

Достаточно пройти по улицам города, чтобы убедиться, что работа по восстановлению и украшению Петербурга — сделалаась одной из основных задач момента. Ведутся работы не только по ремонту мостовых и канализации, но разбиваются новые парки, пышными кустами, пестрыми, прекрасных мягких тонов, цветами засаживаются скверы — Екатерининский, у Казанского Собора и пр. и пр. Начались даже новые большие работы — напр. по превращению бывшего Царицына Луга, затем называвшегося Марсовым Полем, а

в своем целом, как город. Теперь (1913 г.) строгость и стройность нарушены, много возведено уродливых или дисгармонирующих с рядом стоящими зданий, но все таки общая картина более или менее ясна.

ней Греции и Рима, по тому единственному пути, где полное свое выражение найдет жаждо ищущий своегоувековечения героический дух нашей эпохи.

Проф. Ив. Грэвс в своем предисловии к книге Н. Анциферова — „Душа Петербурга“ — пишет в заключение: „Петербург уже пережил апогей своей славы, померк ныне его блеск. Но умирает ли он, или только тяжело болен? Будем верить, что он возродится не в прежней царственной мантии, но в новом расцвете научно-художественного зиждительства, идейной

1-2-4-5 Работы по превращению Площади Жертв Революции (б. Марсово Поле) в цветущий луг: разбивка аллей и засадка цветами куртин. 3) Генеральный ремонт канализации в Городе.

со времени Великой Революции — названного Площадью Жертв Революции — в цветущий парк, обрамляющий зеленой рамкой могилы борцов Революции.

В. Курбатов в своем «Петербурге» отмечает, что «Петербург принадлежит к числу красивейших городов. А было время, когда он мог считаться самым красивым, и не только благодаря ряду великолепных в отдельности зданий, но

Изучение этой картины доставляет редкое наслаждение и в то же время не особенно сложно, так как Петербург создался в

накануне нового строительного периода. Уже новые архитектурные мотивы показывают путь, по которому пойдет Россия в эту третью эпоху строительства: по

работы и культурного строительства, которые станут всенародным достоянием...

Это было написано в авг. 1922 г. Пророчество начинает сбываться. Дайте время: утрясется хозяйственный быт, укрепляется производство и финансы и освобожденный дух великого народа начертает вечные письмена на стенах новых архитектурных памятников прекраснейшего города.

С. Абашидзе.

Джек Лондон.

(Новые данные из биографии).

В редакцию французской коммунистической газеты — "Юманите" зашла только что приехавшая в Париж вдова покойного писателя — Джека Лондона. В беседе с редактором газеты она сообщила целый ряд данных из жизни и биографии Лондона, до сих пор неизвестных широкой читательской массе. Вдова писателя подчеркнула, что она за покойного своего мужа счастлива, что коммунистическая пресса ставит своей задачей ознакомить рабочий читательский мир с теми чертами покойного писателя, которые нарочито замалчивались буржуазной и социалистической прессой.

В беседе вдова писателя коснулась того периода жизни Джека Лондона, когда он формально заявил о своем выходе из рядов социалистической партии. Писатель следующим образом мотивировал этот свой поступок:

"Социалистической партии, откровенно заявил он, не хватает внутреннего огня, революционной решимости и необходимой энергии для того, чтобы углубить и с необходимой острой выявить классовую борьбу". Джек Лондон дальше сказал: "В такой партии мне места быть не может. Если нет другой партии или группы людей, с которыми я мог бы идти рука об руку, я пойду один".

Джек Лондон очень много работал над своими произведениями. Жизнь его была тяжела и полна приключений. Начал он свою писательскую карьеру с участия в конкурсе, организованном одной Сан-Францисской газетой. До этого времени он работал мальчишкой на ферме, продавал на улице газеты, работал в качестве чернорабочего на доках, где разгружал огромные океанские транспорты с углем

и т. д. Самообразованием он мог заняться лишь в 17 лет, а к этому времени здоровье его было сильно расшатано.

Страсть его к знаниям была очень велика. На 18 году он с жадностью проглатывает Спенсера и Маркса. Впоследствии

и пропаганда социалистического учения.

Но сколько те самые романы, повести и рассказы, в которых Джек Лондон так ярко описывал нравы современного капиталистического общества и вообще человечества, доставили ему тяжелых и горьких минут!

Особенно измучил его роман "Железная пята": скольких бесконных ночей ему стоил этот роман! Сколько он должен был преодолеть страха потерять издателя и не потерять любовь читателя... Этот роман, — говорит вдова писателя, — глубоко человечный, вызвавший столько бешеного негодования, в рядах буржуазии и мещанства, теперь признан пророческой книгой. Именно теперь, когда Российская революция подтвердила на практике все гениальные предсказания покойного писателя.

Теперь даже буржуазия принуждена считаться с фактами жизни. Один из солиднейших издателей Америки Георг Брет заявил, что роман "Железная пята" должен быть признан самым значительным и самым убедительным социалистическим романом, какой он когда либо читал.

В заключение, вдова Джека Лондона сказала: "Записки и

письма Джека Лондона, которые я сейчас собираю для опубликования, докажут даже противникам покойного писателя, что Джек Лондон исключительно яркий писатель социалистической мысли, художник огромной изобразительной силы, произведения которого всегда найдут дорогу и отзвук во всех сердцах, которые бьются в унисон с огромным сердцем рабочего класса".

Портрет Дж. Лондона работы худ. Н. Акимова.

он не только делается большим знатоком социалистической литературы, но в буквальном смысле слова пропитывается настоящим социализмом и пролетарским миросозерцанием. Он нередко выступал на разного рода рабочих собраниях, но при этом сам признавался, что мало верит в пропаганду устным словом. Он выражал уверенность, что, сидя за своим рабочим столом, он достигает несравненно большего, в смысле влияния на рабочие мас-

Борьба с самогонкой в Москве.

Борьба с давним бичем народным — пьянством поставлена органами власти на надлежащую высоту. Особенное внимание на борьбу с самогонщиками обратили

1.

2.

3.

ночью. Стражайший надзор за разного рода чайными, рынками, и другими местами, где собираются "любители самогонки" обыкновенно дает ряд следов, ведущих к обнаружению преступников. Не давая самогонщикам замести следы, агенты милиции немедленно совершают осмотр подозрительно-

Для борьбы с этим злом решено бороться не только административно, но и морально. Для этого устраиваются инсценированные суды над пьяницами на заводах и фабриках.

1. Продажа самогонки.
2. Арест. 3. Допрос и составление протокола.

в Москве, Петрограде и других крупных городах. Тайные и явные агенты милиции на месте преступления. Воспроизводимые и угрозыска ведут эту борьбу днем и снимки — иллюстрируют обычную картину ареста и допроса любителей легкой на- живы. Захваченные на месте преступления передаются в распоряжение Нар. суда.

Продается в киосках
и на всех станциях жел. дорог.

Цена 10 руб.

КРАСНОЯ

ЦДНОРУМ

№ 8

26 ИЮЛЯ
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТРОГРАД.

КРЕСТАЯ Иллюстрированный художественно-литературный журнал.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20. тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

26 июля 1923 г.

№ 8

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

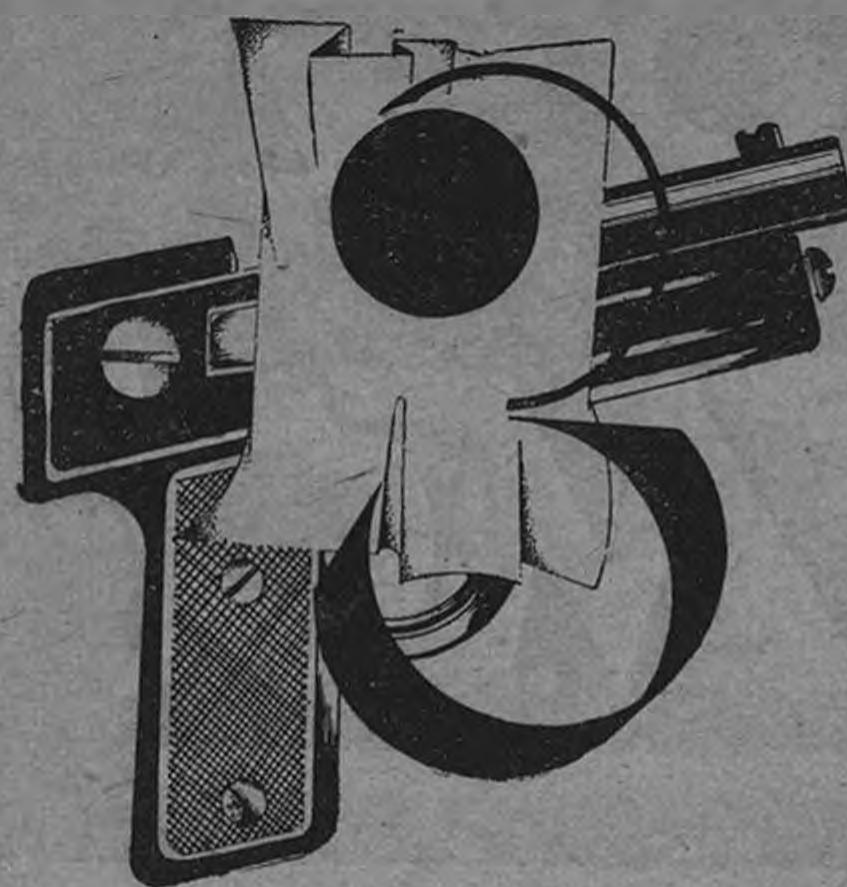
2-я СЕССИЯ В. Ц. И. К.

С. С. С. Р.

"Интереснейшим моментом последней сессии ВЦИК'а было обсуждение договора Союзных Советских Републик. Согласно единодушному решению, — Союз должен быть не мнимым, а в действительности представлять единую мощную организованную силу рабочего класса и крестьянства. Союз должен иметь одну волю, выступать на международной арене с единым планом и одним фронтом".

1) Доклад тов. Сапронова, 2) Стоят: тов. Калинин, *, справа от него: т.т. Лашевич, Брандебургский (член коллегии Н. К. Ю.) и т. Смирнов (замнаркомзема), 3) Комиссия по выработке конституции С. С. С. Р. (первый справа — тов. Сапронов, в центре тов. Енукидзе).

ЗОЛОТОЙ ТОПОРИК

Рассказ Гастона Леру.

Рис. худ. Н. Акимова.

Это было много лет тому назад. Я проводил осень в Герсау, в нескольких километрах от Люцерна. Здесь решил я прожить несколько месяцев с целью закончить большую литературную работу. Тишина небольшой прелестной деревеньки, окутанной еще до сих пор романтическими воспоминаниями о Вильгельме Телле, особенно настраивала на серьезный труд.

В небольшой гостинице, где я жил, кроме меня было еще человек 6, и среди них—старая дама, всегда одетая в черное.

Кто была она, откуда приехала? Мы этого не знали. Часто по вечерам она играла. Под ее талантливыми пальцами, такой сладостной грустью звучали Шопен и Шуман, что мы без слез не могли ее слушать. Она никогда с нами не заговаривала; ее прошлое нас интриговало, но никто из нас не смел расспрашивать ее...

Однажды нам стало известно, что она уезжает и мы решили приподнести ей какой-нибудь небольшой подарок в память о пребывании в Герсау. Один из пансионеров отправился в город и купил там золотую брошку в виде маленького топорика. Почетная обязанность—выразить благодарность талантливой пианистке и приподнести ей от общего имени подарок—была возложена на меня.

Прошел день, другой, а старой дамы не видно было. Лишь на третий день, ранним утром, накануне своего собственного отъезда, я в последний раз гулял на берегу прелестного озера Четырех Кантонов. У часовни Вильгельма Телля я вдруг, неожиданно для себя, увидел старую даму. Никогда до сих пор я не видел такого отчаяния на лице, как в этот момент у старой дамы. Она меня увидела, наклонила голову и быстро покрыла лицо черной вуалью. Не поклонившись, она быстро пошла по аллее вдоль берега озера. Я однако, последовал за ней, по здоровался, выразил сожаление по поводу ее отъезда и поблагодарил от имени всех за то наслаждение, которое доставляла нам ее игра. И так как подарок был со мной, то я вынул из кармана маленький футляр, в котором находился золотой топорик, и, улыбаясь, протянул ей.

Она открыла футляр с мягкой улыбкой, но как только заметила лежащий внутри предмет, вздрогнула, с жестом омерзения бросила топорик в озеро и разрыдалась.

**

Успокоившись, она извинилась предо мной. Неподалеку была скамья. Мы сели. После нескольких мгновений молчания, старая дама рассказала историю своей жизни. Вот—во всей неприкословенности—тот странный рассказ, та мрачная история, которую мне поведала эта дама и которую с тех пор я забыть не могу. Ибо, действительно, я не слышал до сих пор о судьбе более тяжкой, чем та, которая была уделом этой старой дамы.

— Вы сейчас все узнаете, — сказала она мне.—Я вам расскажу свою судьбу, ибо я навсегда оставляю этот край. И тогда... тогда вы поймете, какие причины побудили меня бросить в озеро ваш золотой топорик. Родилась я в Женеве—в очень хорошей семье. Мы были богаты, но биржевые спекуляции разорили отца, который вскоре после этого умер. Я была очень красива, но бедна. Мать приходила в отчаяние и теряла надежду выдать меня замуж. Когда мне было 24 года я встретилась с молодым человеком из Брисгау. Мы полюбили друг друга. Герберт Гутман был красив собой, добр, прост в обращении. Казалось, он соединял в себе все качества сердца и ума. Отец его был крупным мясоторговцем и выделял сыну некоторую сумму, достаточную для путешествия и ознакомления с жизнью до того момента, когда он должен будет унаследовать дело отца.

Герберт сделал мне предложение, я согласилась. Мы условились вместе навестить старика Гутмана в его небольшом поместье в Тоднау, но неожиданная болезнь матери несколько задержала события. Не желая откладывать нашу свадьбу, мать моя навела справки о Герберте и получила утешительные сведения о молодом Герберте и его семье. По этим справкам, старик Гутман был торговец—мясник и некоторое время жил в Женеве. Затем уехал и поселился в своем поместье в Тоднау. Эти справки удовлетворили мать. Все формальности были выполнены, и я вышла замуж за Герберта за 8 дней до смерти моей матери. Она умирала, по ее словам, «совершенно уверенная в моем счастье».

Муж мой окружил меня всеми заботами любящего человека. Перед отъездом к отцу мы неделю прожили здесь в Герсау, затем совершили еще путешествие по Швейцарии, как вдруг получили сведения о неожиданной кончине старика Гутмана.

Как эта новость подействовала на моего мужа, я передать не могу. Он не плакал, но весь как-то сразу посерел. Все мои ласки и слова утешения не достигали цели. Он был буквально убит. На следующий день, после бессонной ночи, он с нечеловеческой печалью на лице и раздирающим голосом сказал мне:

— Едем, Елизавета. Необходимо возвратиться. Необходимо возвратиться.

Передать тон этих последних слов—невозможно. Все бездонное отчаяние человеческой муки звучало в его голосе. Начиная с этого дня, Герберт совершенно изменился. Он сделался ужающим молчаливым и мрачным.

Мы приехали в Тоднау. Отец Герберта был уже похоронен. Поместье Герберта находилось в мрач-

ной местности, в так называемой „Адской Долине“. Дом стоял совершенно одиноко и единственным гостем его бывал фабрикант которого считали очень богатым и который, от времени до времени, в качестве друга Гутмана, живал у него в доме. Я сразу не взлюбила этого фабриканта, который всегда казался мне жадным и жестоким человеком. И Герберт со своей стороны также не любил Франца Беклера, но из уважения к памяти отца продолжал его принимать.

Беклер, бывший совершенно бездетным, много раз и старику Гутману и сыну его обещал все свое состояние завещать Герберту.

Жизнь в доме у Герберта была очень тяжела. Одиночество, мрачное безлюдье меня пугало. Я страшилась всего: единственной служанки, старика Беклера... На меня наводил трепет самый дом, с его темными закоулками и длинными коридорами. В глубине одного из этих коридоров был небольшой кабинет моего мужа, куда Герберт запретил мне входить. Без дрожи я не могла смотреть на темную дверь этого кабинета. Я чувствовала, что за этой дверью кроется какая-то тайна.

Муж часто уезжал по своим торговым делам. Однажды, в одну из таких отлучек, когда я напрасно старалась уснуть, мое внимание было привлечено легким шумом в саду у окна. Я приоткрыла ставни. Небо было покрыто тучами. С большим трудом разобрала я в темноте деревья и очень смутно узнала фигуры мужа и служанки, которые с тысячью предосторожностей пробирались внутрь дома. В руках у мужа был какой-то длинный предмет, вроде мешка. Они вошли в дом и минут 10 я не слышала ни звука.

Прошло несколько минут, а муж все не приходил. Я поспешила одеться и вы-

...перед маленьким решетчатым окном...

шла в коридор с целью встретить его. Естественно, что я направилась к его маленькому кабинету, который меня так пугал. Я была уже в нескольких шагах от этой комнаты, как вдруг услышала глухой голос Герберта:

— Воды! Скорей. Горячей. Слышишь? Это не сходит.

Я остановилась, задерживая дыхание. Какой-то смутный страх душил меня. У меня появилось предчувствие какого-то ужасного несчастья. В это мгновение я снова услышала приглушенный голос Герберта:

— Ах! Наконец! Это сошло...

Служанка и Герберт тихо обменялись какими-то словами и я услышала шаги Герберта. Я нашла в себе достаточно сил, чтобы неслышно возвратиться в свою спальню. Вскоре послышались легкие удары в дверь, но я сделала вид, что сплю и только что проснулась. Наконец, открыла дверь. В руках у меня была зажженная свеча. Когда я увидела лицо Герберта, я от страха уронила свечу: до такой степени лицо его было страшно.

— Что с тобой? — спросил он меня спокойно. — Ты еще не проснулась? Ложись.

Я хотела снова зажечь свет, но Герберт запротестовал. И я в потемках добралась до своей постели. Ночь я провела ужасно.

Видимо, и Герберт всю ночь не спал. Он поворачивался с боку на бок, тяжко вздыхал. Но не сказал ни слова. Рано утром он встал и вышел. Когда я вышла из своей комнаты, служанка мне сообщила от имени Герберта, что он снова уехал на два дня.

Днем я узнала от рабочих, пришедших из Нейштадта, что этой ночью найден убитым в своем доме старик Беклер. Следствие установило, что Беклер получил страшный удар топором, который видно был сделан специалистом-мясником.

Что я пережила в эти несколько секунд — не передать. Я едва удержалась на ногах. Я не могу точно рассказать, что смутно и неопределенно мелькнуло у меня в голове. Но я вдруг почувствовала острую необходимость немедленно проникнуть в таинственный кабинет Герберта. Когда я подошла к двери этой комнаты, меня заметила служанка и зло закричала:

— Не смеите входить в эту комнату. Вы знаете, что Герберт это запретил.

От нервного напряжения я заболела. 15 дней я не вставала с постели. С материнской заботливостью Герберт ухаживал за мной. Мне начинало казаться, что я была жертвой тяжелого кошмара. И все более убеждалась в этой мысли при виде спокойствия Герберта, тем более, что я узнала, что убийца старика Беклера арестован. Это был мясник из Бергена, которого часовщик очень прижал и угрожающе требовал возврата долга.

Этот мясник, по имени Мюллер, настаивал на своей невинности и несмотря на то, что на его одежде не было найдено ни капли крови, и что топор его не носил никакого следа удара, все же нашли достаточно улик для того, чтобы вынести ему обвинительный приговор.

Это убийство, кстати сказать, нисколько не изменило нашего материального положения: Герберт напрасно ожидал завещания в свою пользу. Завещание не существовало. К моему удивлению, муж мой с злой досадой однажды бросил:

— Я очень рассчитывал на это завещание и возлагал на него много надежд.

Лицо его при этих словах показалось мне таким жестоким, что я похолодела. Я вспомнила страшное выражение лица Герберта, которое я видела в ту таинственную ночь и которого с тех пор забыть не могла.

Судебный процесс Мюллера происходил в Фрибурге и я с жадностью про-

глатывала подробные отчеты судебных заседаний. Одна фраза защитника убийцы преследовала меня днем и ночью:

— До тех пор, покуда не будет найден топор, которым убит Беклер и покуда не будут обнаружены одежды, испачканные кровью, до тех пор, по всей справедливости, вы не имеете права выносить Мюллеру обвинительный приговор.

И, тем не менее, Мюллер был приговорен к смертной казни и я должна сказать, что этот приговор очень тяжело был воспринят мужем. Узнав об этом, он вздрогнул и побледнел. Ночью он бредил Мюллером. Он меня пугал и мои мысли меня ужасали. Особенно меня пугала одна фраза, сказанная им во сне:

— Этого не должно быть! Не должно быть!

— Ах, я должна все знать. Я хочу все узнать.

Ночью, я тихо поднялась. Не слышно вынула из кармана брюк мужа ключи... бросилась в коридор. Стуча от ужаса зубами, я подошла к запрещенной двери... открыла ее... увидела дорожный мешок... Он был заперт на двойной замок. Но у меня были ключи... я быстро открыла замок... раскрыла мешок... встала на колени, чтобы лучше видеть... и едва удержалась от крика ужаса. В мешке я обнаружила одежды, испачканные кровью, и топор, на котором были засохшие пятна крови...

Как я пережила недели, предшествовавшие казни несчастного Мюллера, рядом с Гербертом, после всего того, что я видела и узнала? — Не знаю. Странное дело — и это мне казалось сначала, совершенно необъяснимым: за 48 часов до дня казни Мюллера, Герберт вдруг успокоился. Спокойствие его — было спокойствием мрамора. Накануне вечером он мне сказал:

— Елизавета, утром — на заре — я уезжаю. У меня есть серьезное дело в районе Фрибурга. Я буду в отсутствии дня два. Не беспокойся.

Именно в Фрибурге и должна была состояться казнь. И вдруг у меня мелькнула мысль, что все спокойствие Герберта, столь меня поразившее, есть результат страшного решения, принятого им. Он, очевидно, решил предать себя властям.

Эта мысль меня как-то успокоила. Впервые, за многие и долгие дни, я уснула свинцовым сном. Проснулась я поздно. Мужа уже не было.

Я поспешила оделась и, ничего не говоря служанке, уехала в Тоднау. Оттуда я на лошади уехала в Фрибург, куда я прибыла к концу дня. Я быстро направилась в суд и здесь прежде всего увидела моего мужа. Я быстро спряталась и выжидала, когда он выйдет. Но так как он не выходил, то я решила, что он все рассказал прокурору и уже арестован. Тюрьма тогда была в том же доме, где и суд. Можно представить себе мое состояние.

Всю ночь я бродила по улицам и с первыми лучами солнца я заметила, что два человека в черных сюртуках быстро входили в судебное здание.

Я подбежала к ним и сказала, что мне во что бы то ни стало необходимо видеть прокурора, что я должна сделать ему огромной важности сообщение, касающееся убийства Беклера.

Один из этих людей оказался прокурором. Он предложил мне последовать за собой и ввел меня в свой кабинет. Там я назвала себя и спросила его, был ли у него накануне мой муж. Он ответил, что видел его. И так как после этого он замолчал, я упала на колени, умоляя пощадить меня и сказать мне, сознался ли Герберт в своем преступлении. Лицо прокурора выразило крайнее удивление, он поднял меня и начал расспрашивать.

Понемногу я ему рассказала все: о нашей встрече с Гербертом, обо всем, что я видела, об ужасном открытии, сделанном мною в кабинете мужа. Закончила я клятвой, что не допущу казни невинного, что если мой муж сам не признался в своем преступлении, то я считаю своим долгом сообщить об этом правосудию. Наконец, я просила, как высшей милости, разрешения повидать своего мужа.

— Вы его увидите, сказал прокурор. Потрудитесь последовать за мной.

Он проводил меня — дрожащую — в тюрьму. Я проходила какими-то темными коридорами. Поднялась на лестницу. Здесь он поместил меня перед маленьким решетчатым окном, откуда видна была большая зала, и оставил здесь, предупредив, чтобы я вооружилась терпением и спокойствием. Вскоре пришло сюда еще несколько человек, которые, ни слова не говоря, уселись перед окном.

Итак, предстояла казнь Мюллера. Холодный пот выступил на моих висках. Я до сих пор не понимаю, как я в эту минуту не потеряла сознания. Открылась дверь, и появилась процессия, впереди которой шел осужденный. Он дрожал. Шея его была оголена. Сам он был в белой рубахе. Руки его были связаны и шел он с помощью двух людей в черном.

В этот момент осужденный, очевидно, потерял власть над собой. Дрожащим голосом признался он в своем преступлении. Это признание было запротоколировано, и процедура казни продолжалась. Мюллера подвели к эшафоту. Взмах топора и голова покатилась по полу. Палач поднял ее...

**

Откуда мне взять силы продолжать свой рассказ до конца? Это выше человеческих сил. Как глаза мои не ослепли в этот момент... Но они все видели. Они увидели человека, поднявшего голову казненного... Я увидела этого человека с его кровавым трофеем в руках и... и испустила душераздирающий крик:

— Герберт.

И потеряла сознание.

Теперь вы знаете все: я была замужем за палачом. Топор, который я обнаружила в маленьком кабинете мужа — топор палача. Окровавленные одежды — одежды палача. Я обезумела и на другой же день ушла от мужа.

Два месяца спустя я получила письмо. В нем я прочла: «Прости, Елизавета. Я испробовал все ремесла. От меня повсюду отворачивались. Мне оставалось только одно, продолжать дело моего отца. Я хотел быть порядочным человеком, но люди оттолкнули меня, теперь ты понимаешь почему ремесло палача — наследственно и неизбежно переходит от отца к сыну. Единственное преступление, которое я совершил в своей жизни — было то, что я обманул тебя. Но я любил тебя, Елизавета. Прости!»!!..

Одновременно с этим письмом я прочла в газетах о самоубийстве Герберта Гутмана....

Гастон Леру.

...Палач поднял голову...

Продаётся в киосках
и на всех станциях жел. дорог.

Цена 15 руб.

КРАСНАЯ ПСТРОГРАД

Петроград 1923 года.
Акад. Театр Драмы
(б. Александрийский).

№ 9

9 АВГУСТА
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТРОГРАД.

Красная Панорама

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ.

ПРОГРАММА: Политика. Общественная жизнь. Литература. Наука. Техника. Искусство. Сатира. Юмор.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20. тел. 539-64.
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

9 августа 1923 г.
№ 9

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

Революционный пожар в Китае.

Гражданская война в Китае длится уже многие годы. Отдельные наемные армии губернаторов разных провинций брошены друг против друга.

Центральное правительство в Пекине фактически не пользуется никакой властью.

Генеральскую вооруженную грызню открыто поощряют европейские, японские, американские дипломаты и торговопромышленники. В этой грызне для них заложены возможности глубокого экономического внедрения в Китай, чем в конец уничтожается, сопротивляемость Китая иностранным захватам.

Но одновременно разрозненные силы китайских революционеров тоже втянулись в борьбу и действия против генеральных войск. Они не щадят ино-

странцев, рассматривая их, как виновников бедствий Китая.

«Дейли Телеграф» напоминает об имевшем место два месяца тому назад инциденте в Линчене, когда один английский подданный был убит, а 26 других европейцев и американцев были взяты в плен. Все иностранные представители в Китае постановили передать этот факт на обсуждение своих правительств. В связи с этим, британское правительство решило взять на себя инициативу обращения к другим правительствам с предложением о вмешательстве, находя это «в интересах самого китайского народа, величайшим благодеянием для которого будет помочь иностранцев в деле подавления анар-

Однако, процесс революционизированья масс идет быстро.

В перспективах будущего вырисовывается уже не куцая революция 1912-го года, а грозное движение народа, осознавшего свои цели и права.

Недавно освобожденный китайскими революционерами американец Поуэль на официальном приеме его китайскими промышленниками в Шанхае угрожающе и вместе с тем пророчески заявил: «В случае наступления революции в Китае, власть перейдет в руки масс, подобно тому, как это было в России, и вы потеряете больше всех. Из России сейчас изгнаны все собственники. То же произойдет и в Китае!!!» Одно можно сказать:

— Чем скорее, тем лучше!

Печатаемая ниже фотография характеризует один из отвратительнейших моментов генеральской междуусобицы. Это публичная казнь в г. Хайларе (Цицикарская провинция) палачами генер. Чжаицзолина (ставленника японцев), офицеров армии ген. У-Бей-Фу (поддерживающего Америкой). Конечно, и на этом кровавом зрелице не обошлось без присутствия „гуманных европейцев“, с интересом наблюдающих казнь.

АБАЧЕК И РОЗА.

Рассказ. О. Генри.

Мисс Пози Каррингтон за-
служила свой успех. Она вступила в жизнь с фами-
лией «Боггс» в крошечном городишке, Кронберри Корнерс. В восемнадцать лет она приобрела имя «Каррингтон» и положение хористки столичного фарсовоготоварии-
щества. В дальнейшем—постепенно вверх, по установившимся, радующим сердце, ступеням: „запевала“, член знаменитого оркестра „Птичка за пазухой“, в нашумевшей музыкальной комедии: „Враль и К°“; затем солистка в танце „Гуанет“ в пьесе „Купальный халат принца“, которая пленила критиков и создала Пози успех. Теперь, когда мы попали в орбиту мисс Каррингтон, она кружится в вихре и чаду лести, славы и ракет. Хитроумный же директор, мистер Тимоси Голдштейн, держит в несгораемом шкафу подписанный ею контракт, что в наступающем сезоне она будет блистать в новой пьесе мистера Дайд Рич—„Париж при свете газа“. Тут-то к мистеру Тимоси и явился двадцатого века молодой, способный актер—на характерные роли—по имени Гайсмис и просил предоставить ему главную комическую мужскую роль в „Париже при свете газа“.

— Милый юноша, — сказал Гольдштейн,—берите роль, если с'умеете добиться ее. Кого я ни предлагал мисс Каррингтон—она и слушать меня не хочет. Она заявила, что ее ноги не будут на сцене, пока я не отыщу подходящего исполнителя, хотя бы на дне морском. Как известно, она выросла в деревне, и вот, когда орхидея с Бродуэй сунет себе соломинку в волосы и пытается выдать себя за трилистник, ее всю коробит. Я спросил ее язвительно: неужели Дэнман Томпсон не в состоянии сыграть эту роль?—„О нет, сказала она,—не хочу ни его, ни Джона Дрю, ни Джима Корбэта, никого из этих модных, шикарных актеров, которые не могут отличить репу от моркови. Мне нужен подлинный деревенский фрукт“. Так вот, юноша: если хотите сыграть эту роль, убедите сперва мисс Каррингтон. Желаю успеха.

...в кабачке музыка играла...

На следующий день Гайсмис с первым поездом отправился в Кронберри Корнерс. В этой забытой и сонной деревушке он пробыл три дня. Рыскал семью Боггсов и раскупорил их родословную до третьего и четвертого поколения. Он собирал факты и снимки с натуры в Кронберри Корнерс. Деревня развивалась далеко не с той быстротой, как мисс Каррингтон: со времени отъезда этой единственной в деревне последовательницы Терпсихоры, в деревне, на взгляд актера, произошло не больше перемен, чем на сцене, где «между вторым и третьем действием прошло четыре года». Он весь пропитался Кронберри Корнерс и вернулся в город, где все изменило, как хамелеон.

Гайсмис наметил ареной боя за свою артистическую карьеру модный кабачек. Нет нужды называть его; во всем Нью-Йорке только в одном месте вы могли надеяться встретить мисс Пози Каррингтон после вечернего представления „Купального халата принца“.

За одним из столиков сидела небольшая веселая компания, привлекавшая много взоров. Позвольте назвать в первую голову мисс Каррингтон—она на это имеет все права: мисс Каррингтон—маленькая, несравненная, искрящаяся, электрическая, опьяниенная славой. Затем—мистер Голдштейн, кудрявый, громкий, тяжеловесный, чуть-чуть смущенный, на подобие медведя, невзначай зажавшего в лапах бабочку. Далее—человек, прикованный к газете, грустный, избалованный, зубастый, процеживающий для репортеров каждую фразу, поедающий свой бифштекс в молчании величия. В заключение—юноша с пробором, чье имя—охрана для литературных сборников и золото—на обороте счета за ужин. Вот эта компания сидела за столом, в то время как музыка играла, лакеи кружились в лабиринте своих обязанностей, спина ко всем, кто нуждался вихуслугах; а вообще здесь было странно и весело, потому что все это происходило на глубине девяти футов под тротуаром.

Без четверти двенадцать в кабачек вошло некое существо. Первая скрипка явственно взяла до-бемоль, вместо до простого, klarнет выдул мыльный пузырь вместо легато, мисс Каррингтон хихикала, а юноша с пробором проглотил косточку ма-слины.

На вновь вошедшем восхитительно и безукоризненно лежал отпечаток деревни. Молодой человек, сухощавый, долговязый,

...сухощавый, долговязый...

с линялыми волосами, разинутым ртом, нерешительный, неловкий, смущенный до жалости, растерявшийся от света и общества; костюм—цвета орехового масла, ярко-голубой галстук, из рукавов—костяные руки на четыре дюйма, и ноги в белых носках. Он опрокинул один стул, усился на другой, обвил ногу кренделем вокруг стола и подобострастно взглянул на подошедшего лакея.

— Не принесете ли мне стакан светлого пива, коли ваша милость будет,—сказал он в ответ на сдержанный вопрос слуги.

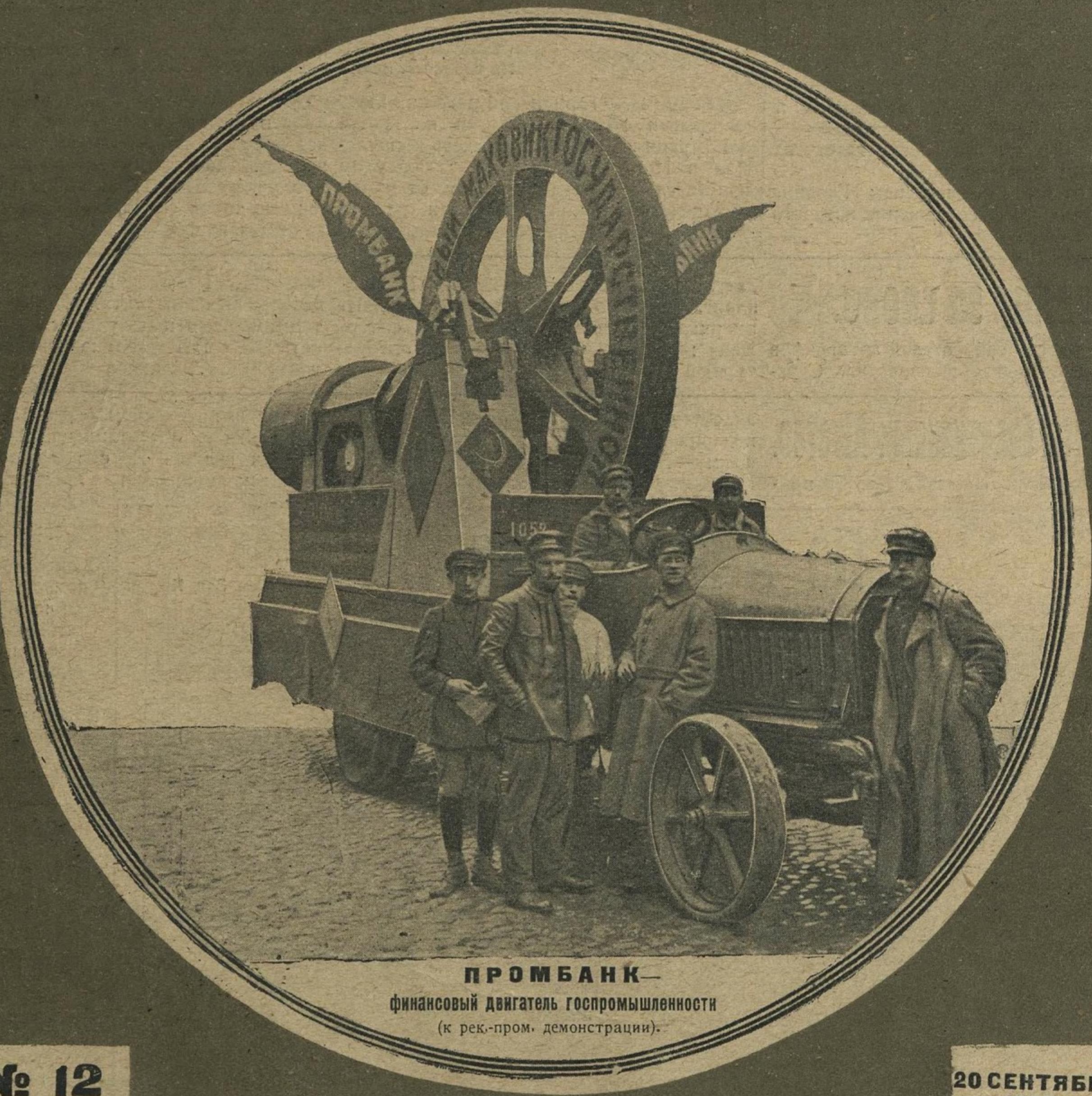
Весь кабачек не сводил с него глаз. Он отдавал свежестью кочана капусты и непосредственностью деревенских грабель. Поводил глазами вокруг, точно выпучив их, увидел в картофельном поле свинью. Наконец, его взор успокоился на мисс Каррингтон. Он встал и подошел к ее столу,—в одном углу рта—сияющая улыбка, на щеках—румянец трепетного восторга.

— Мисс Пози, как ваше здоровье?—сказал он с акцентом, не допускающим сомнения.—Что, не признаете меня? Я—Билл Соммерс, помните Соммерсов, что жили за кузней? Я так полагаю, что подрост малость с той поры, как вы уехали из Кронберри Корнерс. Лиза Перри говорит: „Погляди, говорит, на землячку, коль понаведаешься в город“. Небось слыхали: Лиза вышла замуж за Бэнни Стэнфильда. И она говорит...

Продается в киосках и на всех
станциях жел. дорог.

Цена 40 руб.

КРАСНАЯ ПОГОРЯЧА

ПРОМБАНК—
финансовый двигатель госпромышленности
(к рек.-пром. демонстрации).

№ 12

20 СЕНТЯБРЯ
1923 г.

ИЗДАНИЕ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ПЕТРОГРАД.

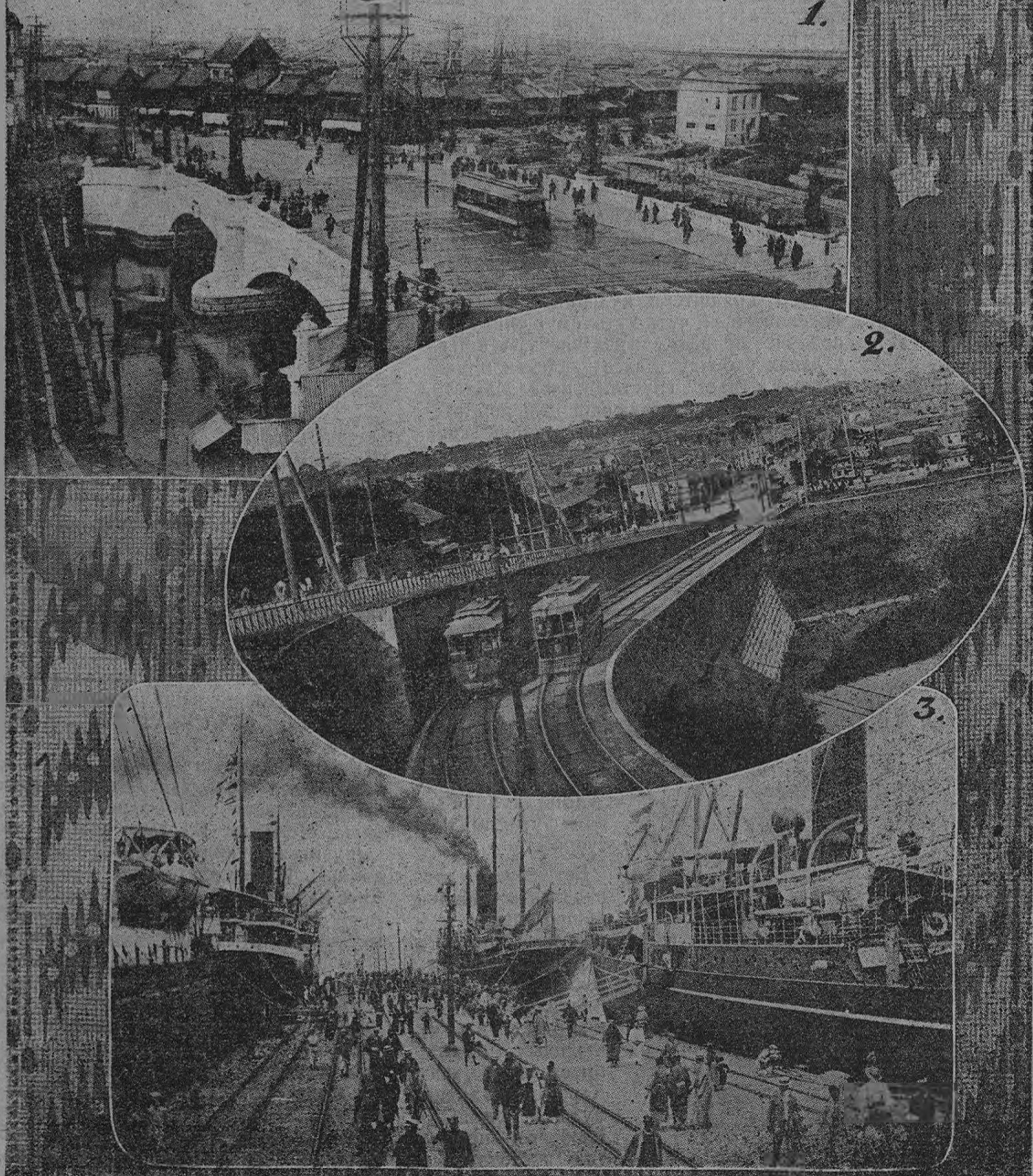
КРАСНАЯ Панорама

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ.

РЕДАКЦИЯ: Пр. 25 Октября, 20. тел. 539-64
Прием ежедневно от 1 ч. до 3 ч.

20 сентября 1923 г.
№ 12

КОНТОРА: Проспект 25 Октября, 20,
телеф. 558-21.

Ужасная катастрофа, обрушившаяся на Японию, несмотря на ее грандиозные размеры, не представляет собою чего-нибудь необычного для этой страны.

Треть века тому назад, 28 октября 1891 г., во время грандиозного землетрясения в течении одной минуты погибло 7 тысяч человек и до 100000 человек было ранено, 3 крупных города были обращены в развалины. Семью годами позже, 15-го июля 1898 г., колоссальная морская волна, вызванная подземным сотрясением, унесла в море японских островов 30000 человек.

Из числа грандиозных землетрясений отметим землетрясение 526 г., когда на побережье Средиземного моря погибло 120000 чел. В 1693 г. извержение Этны, сопровождавшееся землетрясением, обратило в развалины Мессину. В 1755 г. Лиссабон был разрушен землетрясением, стоявшем изии 30000 чел...

Тем не менее, нынешнее землетрясение в Японии является несомненно одной из величайших катастроф, какие известны истории. Особый характер катастрофе придает тот факт, что впервые в истории жертвой землетрясения становятся мощные очаги современного капиталистического хозяйства вроде: Токио, Осака, Иокагама и проч.

Виды разрушенных Японских городов—
ТОКИО и ИОКАГАМЫ.

1) Мост на главной улице в Токио.

2) Токио: общий вид.

3) Иокагама:
Морская пристань.